

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ОДНО ЛИЦО

ИЛИ
ЭХ, ЛЮБА,
ЛЮБОНЬКА!

Владимир Григорьевич Колычев
Эх, Люба, Любонька!
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164802

Владимир Колычев. Эх, Люба, Любонька!: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-20498-4

Аннотация

Тернист путь к славе, и восходящая звезда Люба Лаврова знает об этом не понаслышке. Но особенно горько, когда портит жизнь лучшая подруга. И все из-за того, что когда-то Люба отбила у нее завидного жениха. Однако зависть не знает границ. И «подруга» постоянно изощряется в своей мести. Люба по воле злого гения лишается любимого и даже ненадолго попадает в элитный бордель. Но и этого мало – злодейка находит девушку, похожую на Любу как две капли воды, чтобы представить ее в самом скандальном виде. Кажется, все испробовала коварная мстительница, но никак не успокоится – теперь она решила засадить Любу за решетку...

Роман издавался под названием «Сбрось подругу с пьедестала».

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
1	4
2	14
Глава 2	18
1	18
2	29
Глава 3	32
1	32
2	39
3	49
Глава 4	55
1	55
2	61
3	68
4	76
Глава 5	78
1	78
2	82
3	84
Глава 6	103
1	103
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Владимир Колычев

Эх, Люба, Любонька!

Часть первая

Глава 1

1

Гитары режут, воют басами под грохот барабанов. Но густой голос хоть и с трудом, но все же прорывается сквозь эту какофонию:

Не хочу учиться, а хочу жениться!

Не хочу учиться, а хочу жениться!

А на ком? Оу-оу-ау-ау-а-а!..

Вопрос риторический. И дураку ясно, что жениться Фим не собирается. Но зал взрывается:

– На мне!!!

Дур здесь, оказывается, много. И почти все хотят побыть женой Фима – хотя бы ночку, хотя бы часок.

Не очень нравилась дурацкая группа «Бургомистр» с дурацкими песнями в стиле древнего «Чингисхана». Зато ей очень нравится солист. Фим Речной, краса и гордость родного Подберезовска, предмет обожания для женщин и зависти для мужчин. В городском клубе он почти всегда собирал полный зал. Девчонки шли на него косяками – не столько для того, чтобы послушать его песни, сколько посмотреть на него самого... Дуры. И сама Люба чувствовала себя душой. Но каждый раз, как замороженная, шла на его концерт. И вместе с толпой его поклонниц пьянела от обожания и восторга.

Фим так и не дал ответ на свой вопрос. Не стал выбирать из толпы девчонку, на которой он бы мог жениться. И не потому, что у него был вариант на ночь. А потому, что нельзя кого-то выделять из толпы. Счастливицу просто-напросто могут нечаянно порвать. Тогда она или до сцены вообще не доберется, или выйдет на нее совершенно голой. Был однажды такой случай. Пригласил Фим одну кралю на сцену. Так заревновавшие девки с этой крали все тряпки сорвали, а потом на руках ее на сцену вынесли – голышом. К всеобщему разочарованию, Фим снял с себя рубаху, чтобы срам опозоренной красотки прикрыть. И за кулисами исчез вместе с ней... Как тогда Люба хотела оказаться на ее месте. Но, увы. Фим о ее существовании даже не подозревает. Во всяком случае ни разу не остановил на ней взгляд. Хотя она частенько стояла в первом ряду его фанаток...

Фим исполнил последнюю свою песню. Поклонился в знак благодарности за любовь своих поклонниц, помахал на прощание им рукой. Сейчас уйдет... И жди потом две-три недели следующего концерта, чтобы снова увидеть этого кареглазого красавчика с великолепной гривой черных как смоль волос... Уходит. Как бы хотела сейчас Люба исчезнуть за кулисами вместе с ним... Ей уже семнадцать. Совсем взрослая. Но все еще девственница. А вот Фиму бы отдалась, не задумываясь. Жаль, что он ее не замечает...

Фим исчез – как будто свет померк перед глазами. И такая тоска навалилась.

– Ну чего стоишь, как вкопанная? – толкнула в бок Леська.

Только сейчас Люба очнулась. И правда, стоит возле сцены как идиотка. Народ уже расходится, а она чего-то ждет.

– Пошли, душно же!

Действительно, душно в зале. Но пока пел Фим, Люба этого не замечала. А когда он ушел, воздуха вдруг стало не хватать. На улицу нужно идти...

А на улице уже толпа. Пацаны, девчонки – кто в стайках, кто в стадах. Время – половина девятого вечера. Через полчаса начнется дискотека. Танцы-шманцы, все дела...

Леська и не собиралась уходить домой. И Люба осталась с ней за компанию. Хотя знала, что Фима на дискотеке не будет. Не его это уровень – тусовки...

– На карамельку, – протягивая ей конфетку, усмехнулась Леська. – А то у тебя такая физиономия, что тоска накрыва-

ет... Ты меня, конечно, извини, но не стоит этот Фим того, чтобы из-за него так переживать. Нет, парень он, конечно, классный, но меня он не сушит. И ты не засыхай. Вон сколько пацанов клевых...

Леське Фим нравился. Но не более того. Была б возможность, она бы закрутила с ним роман. Но не было у нее шансов стать его подругой, поэтому она и не заикливалась на нем. И целомудрие не берегла. Не было смысла беречь то, что уже давно потеряно. Она еще в девятом классе согрешила с физруком – прямо на матах в спортзале. До директора дошло. Учителя пинком под зад, а ей поставили на вид. Но с нее как с гуся вода. Ведь сама же и растрепалась о том, что с физкультурником была. Если бы держала рот на замке, никто бы ничего и не узнал. Но как молчать, когда гордость распирает. Радость-то какая – невинность потеряла...

Два с половиной года с тех пор прошло. Но Леська ничуть не изменилась. Ничуть не стесняется своих романов, несколько из которых закончились походом к акушерке на аборт. Сегодня с одним, завтра с другим, и плевать, что про нее говорят... Отвязная девчонка, одним словом. Люба тоже не была пай-девочкой, но до Леськи ей далеко. И до Фима далеко. Не быть ей никогда с этим красавчиком. Неужели придется отдать свою девственность Сереге Щавелю или Генке Шмаку? Это были самые крутые и, надо сказать, самые симпатичные парни из их тусовки. Они-то с радостью сорвут печать, только намекни, что ты не против. Но Люба

не намекала. Потому как, кроме Фима, для нее никого не существовало. Но ведь и она для него не существовала.

«Клевые пацаны» не заставили себя долго ждать. Сначала появился Серега Щавель. Он Лешку, Аську и Тоньку с собой привел. Затем и Генка Шмак объявился. И этот с компашкой. Игорь, Валек... Этих Люба знала хорошо. А вот четвертого парня видела впервые. И для Леськи он был открытием.

– Оп-ля! А это что за пряник?

Пряниками она обычно называла незнакомых людей. Но этот парень и в самом деле чем-то напоминал пряник. Рост выше среднего, в плечах широк, но жирку в нем не намного меньше мышечной массы. Животика, правда, нет. На щеках румянец – здоровый, но плохо вписывающийся в классический облик супермена. Небольшие выразительные глаза, густые четко очерченные брови. Волосы темные, закручены так, как будто ему химию делали. Фим курчавый, а этот курчавый... Люба вздохнула. Нашла, кого с кем сравнивать... Но было в парне что-то располагающее. Те же глаза, например. И взгляд – уверенность в нем и даже какая-то сила. И жировые отложения не делали его похожим на рохлю-толстяка. Может, потому, что плечи были широкими. А может, оттого, что чувствовался в нем какой-то внутренний стержень...

И одет паренек был неплохо. Модная футболка – явно не китайский ширпотреб, супермодные широкие джинсы с ремнем из крокодиловой кожи, навороченные кроссовки на тол-

стенной подошве. На шее золотая цепь мудреной конструкции... Короче, конкретно упакованный чел. Да и держится он так, как будто сам Президент у него в кумовьях...

– Это Рэм, дружбан мой! – представил его Генка.

– И давно дружим? – с каким-то непонятым ехидством спросила Леська.

– Да тебе не все равно? – махнул на нее рукой Валец.

Но Леська даже ухом не повела в его сторону. Он для нее – пустое место. С тех пор, как опозорился у Сереги на дне рождения. Леська удостоила его великой чести – залезла к нему в постель, а тот хамски заснул у нее на груди...

– Рэм в Москве живет. А к нам на каникулы, да, братишка?

Видать, хорошо Генка с ним подружился, если братишкой его величает.

– Ну да, на каникулы, – кивнул парень. – На пару недель здесь зависну. А потом... Потом видно будет...

Что там будет видно, покажет время. А сейчас Рэм видел перед собой Любу. Во все глаза на нее смотрит. Ей даже неловко стало.

– А ты что, в школе учишься? – продолжала допытываться Леська.

– Я что, на школьника похож?

Рэм разговаривал с ней, но по-прежнему смотрел на Любу. Как бы зрение себе не испортил от напряжения...

– В институте учусь, – добавил он.

– В каком?

– Да так, международных отношений...

– Угореть! – восхищено протянула Леська.

Люба тоже знала, что в институте международных отношений учится золотая молодежь. Простому смертному путь туда заказан. Знала, но восторга не испытывала. Зато испытывала раздражение. Не нравилось ей, что Рэм пожирает ее глазами. Вроде бы льстить должно, что парень так откровенно запал на нее. Ведь не секрет, что к разряду писанных красавиц ее никто и никогда не причислял. Нравилась мальчишкам, да, но не более того. А Фим так и вообще не хотел ее замечать... Вот если бы Фим сейчас на нее так смотрел, она бы, наверное, умерла от восторга. А Рэм что-то не очень вдохновлял...

– А курс какой? – лезла к нему с расспросами Леська.

Люба видела, как загорелись ее глаза. Явное свидетельство того, что Рэм у нее на прицеле. Девчонка она смазливая. А то, что прикид у нее хипповский и раскраска воинственная, так это продвинутых пацанов не отпугивает. А Рэм, видно, не какой-то там затертый чувак...

– Считай, что уже четвертый...

– Да ты уже большой... В Москве, значит, живешь. А где? – не унималась Леська.

– А ты что, в гости ко мне собралась? – насмешливо глянул на нее Рэм.

И снова переключился на Любу. Медом она, что ли, по-

мазана?..

– А ты что, приглашаешь?

– Ну, можно. Только не в Москву. Дома предки. А на дачу без проблем...

– Ловлю на слове! – жеманно улыбнулась Леська и обволокла его жарким взглядом.

И на Любу глянула. Недовольно. Ей не нравилось, с каким интересом смотрел на нее Рэм.

– А дачка у него класс!.. – восхищенно и не без зависти протянул Генка. – Была б у меня такая, я бы с вами сейчас не разговаривал...

– Но Рэм же разговаривает...

Леська подошла к парню, взяла его под локоток и намертво прилипла к его руке. И еще бедром своим к нему прижалась.

– Он же у нас не зазнайка, да, Рэм? – с лисьей улыбкой глянула она на парня.

– Чего нет, того нет... А может, прямо сейчас ко мне, а? Чего время на этот булкотряс терять? Что у вас тут крутят, шнягу? А у меня настоящая колбаса...

– Это ты про какую колбасу говоришь? – кокетливо посмотрела на него Леська и многозначительно опустила глаза на метр ниже.

Но Рэм ничуть не смутился.

– Колбаса – это музон такой, от которого крышу сносит. Все чисто по науке. От английского – «cool» – крутой,

«base» – бас. Крутой бас, короче...

– Да, а я думала, что колбаса – это когда тебя под колесами колбасит...

– И колеса есть.

Рэм сначала сказал и только затем подумал. Настороженно оглянулся.

– Да ты не волнуйся, паря, – усмехнулся Серега. – У нас это дело без проблем.

– А у тебя что есть? – спросила у Рэма Леська. – Амфик, да?

– Не, мескалин. Чистяк, без примесей... А можно и косячок забить...

Он говорил, а сам посматривал на Любу. Интересно было знать, как она реагирует на такие разговоры. А она делала вид, что тема наркотиков ее абсолютно не волнует. Не нужен ей ни амфетамин, ни мескалин. И наркотики ее не интересуют. Было дело, пробовала. И колеса глотала, и травкой дымила. Но у нее соседка от наркоты ласты склеила. Люба видела, как билась она в конвульсиях от передозировки. С тех пор как отрезало... Жизнь, она такая, надо все попробовать. Она уже сняла свою пробу, с нее хватит... А Леська пусть пробует, сколько ее душе угодно. Она уже взрослая, школу закончила – своя голова на плечах. И Рэма, тем более, отговаривать Люба не собиралась. Он вообще для нее никто... С Леськой пусть крутит. Она до сих пор у него на руке висит. А он и не думает отцепляться от нее. Понравилось...

– А твоя фамилия случайно не Косячков? – прикололась Леська.

– Не Косячков и не Пяточкин... – поддержал шутку Рэм. – Ну так что, едем ко мне?

– Смотри, ты сам предложил! – расплылся в довольной улыбке Генка.

– Всех забираешь? – спросила Тонька.

Ей тоже хотелось отправиться к Рэму на дачу. В отличие от Любы. Ее такая перспектива не вдохновляла. Уж лучше домой. Зарыться в постель под одеяло и вздыхать о Фиме.

– Всех возьму... – кивнул Рэм. И добавил: – Кто в тачку ко мне поместится...

Люба представила, как все десять человек втискиваются в одну машину, и ноги сами потянули ее домой.

– Эй, ты куда? – удивлено посмотрела на нее Леська.

– Куда-куда, место освобождаю, – усмехнулась Люба.

– Ты что, серьезно? – озадаченно спросил Рэм. – У меня же джип. Там на всех места хватит...

Он очень не хотел, чтобы она уходила. Возможно, он затеял вечеринку только ради нее. Но, увы, не нравился он Любе – и все тут. И плевать, что у него дача есть с джипом в придачу. Пусть крутит «колеса» на пару с Леськой. А Люба отправляется домой. Так хочется погрустить в одиночестве...

Люба закончила возиться в огороде, приняла душ в летней дощатой кабинке. Фена не было, чтобы просушить волосы. Вернее, был, но сломался, а на новый денег нет. Поэтому она сидела на подоконнике своей комнатухи, подставляя голову под лучи заходящего солнца.

Хлопнула калитка. Кто-то пришел... Леська. Люба окликнула ее, помахала рукой.

– Балдеешь, плесень?

Леська в своем репертуаре. Но обижаться на нее нельзя. Тем более, что видок у нее сегодня неважнецкий. Как будто из солдатской казармы удрала, где с ней была вся рота ночь напролет. Лицо помятое, под глазами темные круги, на голове – черт-те что...

– Где тебя черти носили? – спросила Люба.

– Черти?! Ага, черти... Зеленые такие чертики, улетные вообще...

Леська бухнулась в старое расшатанное кресло, пошарила в карманах – нашла мятую сигарету с оторванным фильтром, сунула в рот.

Люба покачала головой. Достала из-под подушки пачку «LM», бросила ей.

– Спасибо, подруга! – с ударением на предпоследнюю гласную поблагодарила ее Леська.

Закурила, блаженно прикрыла глаза.

– Куда-то летишь? – спросила Люба.

– Ага, мы еще с утрячка закинулись. А ты чего вчера ушла?

– Да что-то настроения не было.

– Может, Рэм тебе не понравился?

– И это тоже... Этот крендель не в моем вкусе...

– Ну, на вкус и цвет... Он, конечно, не Том Круз. И даже не Фим. Но если сахарком посыпать, то в общем-то ничего...

– Сахарком или порошком? – съязвила Люба.

– А если еще и порошком... Знаешь, я думала, у него мескалин. А у него настоящий элсэд. Знаешь, как вставляет!

– Не знаю, но смотрю на тебя и догадываюсь...

– Попробовать хочешь?

– Отвянь!

– Ну как знаешь... Да, зря ты вчера ушла. Рэм – нормальный парень... А знаешь, какой у него домина, о-о! Я думала, дача. А там такая хата – улет... На окраине, где Генка живет. Только у него хибара, а у Рэма дворец. Там такой забор, без Карлсона не залезешь. Прикинь, два этажа, куча комнат, три сортира, все в шоколаде... Да, еще бассейн во дворе. Пальм только не хватает... Зато обезьян куча. Тоньку знаешь, как развезло. В бассейн голышом плюхнулась. Аська – за ней... Ну и я не потерялась... А ты чего не спрашиваешь, как у нас это, с Рэмом?

Леська встрепенулась и подозрительно покосилась на Лю-

бу.

– Да мне как-то все равно, – пожалала она плечами. – Но если сама скажешь...

– И скажу... Классно у нас с ним получилось, можешь мне поверить... Но ты про Рэма забудь, ладно?

– Да я бы о нем и не вспомнила, если б не ты... А ты что, мозги пришла мне полоскать? – нахмурилась Люба. Не нравился ей этот разговор.

– Нет, всего лишь сказать хочу, что Рэма тебе не отдам! – нахохлилась Леська.

– Да я на него и не претендую.

– Вот и ладушки у бабушки... А он, кстати, про тебя спрашивал. Интересовался, что за подруга у меня...

– Ну и черт с ним!

– Черт с тобой. Пацан, можно сказать, запал на тебя, а ты хвостом вильнула. Нехорошо... То есть хорошо. Очень хорошо. Ты уже Рэма не впечатляешь. Он теперь от меня без ума. А ты, извини, в пролете...

– Ну в пролете, так в пролете. Ты все сказала?

– Да в общем-то все...

– Тогда иди к своему Рэму. А ко мне не приставай!

– А чего ты всполошилась?.. А-а, сообразила: пацан фартовый, при бабках, при делах... У него знаешь, кто предки? Мать в Министерстве торговли, а отец на трубе нефтяной сидит. Знаешь, сколько бабла у них!.. Короче, я тебе Рэма не отдам, поняла?

– А он мне не нужен. И ты уже достала!.. Шла бы ты... к своему Рэму, а?

– Да я бы пошла. Да он в Москву поехал... Джип у него супер, скажу тебе... Ну да мне ж на нем кататься, а не тебе...

Складывалось впечатление, что Леська и сама не верила своим словам. Похоже, с Рэмом у нее дела складываются не так, как ей хотелось бы. Не нужна она «богатенькому Буратине». Сама понимает, что не нужна. Оттого и наезжает на Любу. Предупреждает, угрожает. Мутит воду, одним словом...

– Вот и катись отсюда!

Но не на ту нарвалась девочка. Люба умеет постоять за себя. И послать может, и промеж глаз двинуть – за ней не заржавеет. Леська это знала.

– Да ладно тебе, успокойся! – обескураженно махнула рукой Леська. – На дискотеку пойдём?

– Тебе же Рэм твой сказал, шняга там! – усмехнулась Люба.

– Ну сказал... Так один черт, делать нечего...

– Чего ж он тебя в Москву не взял? С предками бы познакомил...

– А ты у него спроси? – зевнула Леська. – А вообще-то знаешь, я бы сейчас на пожарника экзамен сдала...

– Ну что ж, засекаю время...

В норматив Леська уложилась в пять секунд. Захрапела, едва только ее голова коснулась подушки. Пусть спит. Лишь бы только не шипела с бодуна...

Глава 2

1

Леська дрыхла без задних ног и не думала просыпаться. Впрочем, Люба и не думала гнать ее из дому. А предки даже не знали, кто спит в ее комнате.

Часы показывали половину десятого, когда Люба вышла на улицу. Далеко уходить не собиралась. Села на скамейку возле соседского дома, где уже точили лясы две знакомые девчонки...

Подберезовск только назывался городом. Фактически же деревня деревней. Здание районной администрации, школа, клуб, с десятков высотных домов – вот, считай, и вся цивилизация. А вокруг частный сектор. «Дело было вечером, делать было нечего...» Есть настроение – иди на дискотеку, нет – сиди на завалинке и лузгай семечки. Или водку пей... Все, как в старые добрые, но до ужаса скучные времена. Это в Москве все цветет и пахнет. Ночные клубы и казино на каждом шагу. Можно на компьютерных играх оттянуться, там с этим без проблем. Народ деньги делает, кто на чем зарабатывает. Кто-то нефтью торгует, кто-то своим телом – было бы желание, а занятие найдется. В институт можно поступить, высшее образование получить. Но это если есть деньги. Без

них сейчас никуда...

С деньгами у Любы большие проблемы. Отец на инвалидности, мать нянечкой в детском саду работает. Наверное, и она туда же устроится. И то, если повезет. С работой в Подберезовске туго. Хотя многие в Москву ездят. Четыре часа на электричке – и ты уже в столице... Может, и ей в том же направлении счастья попытаться? Но хорошую работу без образования не получить. А на рынке торговать – ну его, такое счастье. От слюнявых нерусей отбоя не будет. У хачей как – если работаешь на них, значит, рабыня, значит, стелиться обязана... Хотя и горшки из-под детей таскать – тоже не самое лучшее в этой жизни занятие...

А какое оно, самое лучшее занятие?.. Как это ни обидно, но не было у Любы цели в жизни. Когда в школе училась, думала, что появится. Школу закончила, а что дальше делать, до сих пор не знает. И спросить не у кого...

– Ирка знаешь, как сейчас живет. Квартира своя в Москве, иномарка, мобильник... А что ты хочешь, сто долларов за час берет. Половину «крыше» отдает, а половину себе...

Люба сразу поняла о ком и о чем речь. Анька ставила Зинке в пример соседку Ирку, которая сейчас работала в Москве. Труженица панели... Красивая девчонка, надо сказать. Красивым телом на жизнь себе и зарабатывала. И очень даже неплохо. На прошлой неделе домой приезжала на приличной иномарке. И очки в пол-лица. То ли мода такая, то

ли фингал скрывала...

Возможно, Анька и хотела бы пойти по стопам своей соседки. Но, как говорится, рылом не вышла. И толстая, как пивная бочка. Такой красная цена в базарный день рубль. Да и Зинка не фонтан девка. Люба по сравнению с ними Николь Кидман, не меньше...

– О чем тут шепчетесь? – для порядка спросила она.

– Да вот, про Ирку, – сказала и почесалась Анька. – Шлюхой была, все пальцами в нее тыкали. А сейчас такие деньги зарабатывает...

– А ты Алле Пугачевой завидовать не пыталась? – усмехнулась Люба.

– Разве она путана?

– Нет, певица. Но тоже не слабо зарабатывает...

– Ну так это голос такой нужно иметь, что нам и не снилось... Да с бухты-барахты на сцену не попадешь...

– А на панель запросто, так?

Зинка хотела что-то сказать в ответ, но в это время из-за поворота вырулил красавец-джип черного цвета с наглухо тонированными стеклами. Зинка варежку свою и разинула.

– Это не Ирка случаем? – ошарашенно протянула Анька.

Это была не Ирка. Машина остановилась, из нее вышел рубаха-парень Рэм. И с самодовольной улыбкой направился к Любе.

– Привет!

Ей стало неловко. Он прилично одет, а она – в потертом

домашнем халатике на голом теле. Но все же она быстро взяла себя в руки.

– Зи-ин! Это к тебе! – пошутила Люба.

Зинка чуть в обморок не упала от волнения. Принца под алыми парусами увидела, Ассоль задвинутая...

– Вообще-то, я к тебе, – покачал головой Рэм.

– А ну, да... Сейчас позову!

– Кого позовешь? – удивился он.

– Ну ты же за Леськой приехал. Она у меня сейчас. Спит после вчерашнего. Видать, хорошо вы вчера повеселились...

– Ну что-то было... – замялся Рэм.

– Ты постой, я сейчас...

Она повернула к своему дому, но он протянул к ней руку, как бы пытаясь ее остановить.

– Да зачем она мне?

– Как это зачем? – удивленно вытаращилась на него Люба. – У вас же любовь до гроба!

– Да нет, тогда уж лучше просто в гроб, – с наигранным ужасом мотнул головой Рэм.

– Так это запросто. С твоими колесами это на раз-два...

– Да я вообще-то аккуратно езжу...

– Да я вообще-то не про эти колеса... – кивнула на машину Люба.

– А-а, ты об этом... – озадаченно сказал Рэм. – Так это чисто баловство. Друг один дал, а я рисанулся... А ты чего такая колючая?

– А я, как тот ежик, на которого наступают... Чего тебе от меня нужно? – стала в позу Люба.

Совсем не в ту позу, на которую он рассчитывал...

– Да я так, просто... – смутился Рэм. – Смотрю, сидишь... – Адрес тебе кто мой дал? Леська?

– Нет... Тонька сказала... Я вообще-то к тебе ехал...

– А знаешь, как фанера над Парижем пролетает? Сам никогда не пробовал?

Видно было, что Рэм привык к легким победам. Как же, золотой мальчик на роскошном джипе. Только посигналь, и любая девчонка в кресло упадет. А кресло без проблем превращается в ложе для бурных утех... Но Люба падать не собирается. Есть у нее любимый, которому она не изменит...

– Так что, не поедешь? – удрученно спросил Рэм.

– А мы разве куда-то собирались?

– Ну, можно на водохранилище. Там вода сейчас теплая.

И ехать недалеко...

До водохранилища в самом деле рукой подать. И вечер достаточно жаркий для купания... Но с какой это радости Люба должна была ехать туда с Рэмом... Вот был бы на его месте Фим, так она бы сейчас за его машиной побежала...

– Ну так поезжай, я же тебя не держу.

– Я бы с тобой...

– Извини, но... – Развела руками Люба.

– Ну как знаешь! – обескураженно пожал плечами Рэм и повернулся к своей машине.

– Ладно, уговорил! – вдруг согласилась Люба. Ей вдруг на машине захотелось прокатиться. Что ни говори, а джип у него классный.

Рэм открыл перед ней дверцу. Рот до ушей, глаза сияют. Люба уселась в кожаное кресло. Рэм закрыл за ней дверцу, и уши сдавила тишина. Совсем не слышно, что творится снаружи. Вакуум какой-то. Иллюзия отрешенности от внешнего мира. Настолько приятная иллюзия, насколько неприятен был внешний мир. Что видела она в этой жизни?.. А ведь есть другая, красивая жизнь. И попасть в нее можно на этом джипе...

Рэм сел за руль. Завел двигатель. И сразу же включилась автомагнитола, из динамиков которой вырвался ураган звуков. Хорошо, громкость не очень. А то барабанные перепонки лопнут, чего доброго...

– «Higher State» Джоша Уинка, – прокомментировал Рэм. – Новый стандарт техномузыки... Нравится?

– Это и есть твоя колбаса?

– Ага!

– Ничего... Только без музыки лучше.

Рэм выключил магнитола. И снова уши утонули в тишине. Машина медленно шла по ухабистой дороге, но даже шороха шин не слышать.

– Да, машина у тебя супер, – не удержалась Люба.

– Батя год назад подарил. Я ему, аттестат об окончании школы, а он мне, ключи от машины...

Люба невесело улыбнулась. Если говорить образно, то ей по окончании школы тятку подарили. Не хочешь учиться дальше – борись с бурьяном в огороде... «Не хочешь...», да она и рада была бы, но за учебу в институте платить нужно. А на бюджетной основе и не поступишь: там конкурс такой, что и золотая медаль не котируется. К тому же у нее и медали нет. Так, «пятерки» да «четверки». А по химии так и вообще «трояк»...

– А ты в этом году школу закончила? – спросил Рэм.

– В этом.

– Дальше куда?

– Да вот не знаю, то ли в Кембридж, то ли в Оксфорд...

– Лучше в Кембридж... Э-э, погоди, это что, приколы такой?

– А ты сам догадайся, – горько усмехнулась она.

– Да я-то догадался... Только можно же и без Кембриджа обойтись. Я вот обхожусь и не жалею...

– А кто тебе сказал, что я о чем-то жалею. Мне нравится такая жизнь...

– Да знаю, какая у тебя жизнь, – поморщился Рэм.

– Какая, такая? – вскинулась Люба. Только пусть попробует сказать, что нищая.

– Ты вчера, говорят, на концерте была...

Но, похоже, Рэм был далек от темы о социальном неравенстве.

– Кто говорит?

– Да неважно... Фим там какой-то...

Леська растрепалась, кто ж еще...

– А тебе-то какое до этого дело? – раздраженно спросила Люба.

– Да в общем-то никакого... – пожал плечами Рэм. – Просто смешно... Ладно, если бы ты по Микки Джаггеру убивалась, а то по какому-то Фиму...

– Микки Джаггер уже старей...

– А Фим, значит, молодой? И ты по нему убиваешься?

– А ты вообще кто такой, чтобы в душу ко мне лезть? – вскипела Люба.

– Да так просто...

– Ну тогда заворачивай обратно, мистер Так Просто!

Но Рэм и не думал разворачиваться. Машина уже покинула пределы города и быстро катилась по гравийной дороге в сторону водохранилища. Уже вон видна раскинувшаяся до самого горизонта водная гладь.

– Да ладно тебе, я же не со зла... Этот Фим и ноготка твоего не стоит...

Не секрет, что женщины падки на лесть. И Люба не была исключением из правил. Но в данном случае она готова была убить Рэма за такие слова... Да Фим для нее – все! И плевать, что о нем еще никто ничего не знает. Рано или поздно он заявит о себе во всю мощь своего голоса!..

– Много ты знаешь! – сверкнула она взглядом.

– Да я в общем-то не хочу знать, кто такой этот Фим...

Зато знаю, кто ты...

– Кто?

– Да как бы тебе сказать... Вот смотрю на тебя, вроде бы обыкновенная девчонка. А есть в тебе какая-то изюминка... А волосы у тебя какие...

На счет изюминки Люба не знала, но то, что волосы у нее знатные, – это да. Любая русалка бы позавидовала...

– Смотрю на тебя и понимаю, что лучше тебя и быть никого не может...

Рэм говорил искренне, от души. И как ни противилась ему Люба, она была польщена.

– Ты всем своим подружкам такое плетешь? – Но и не уколоть его не могла.

Натура у нее такая. И душа к этому парню не лежит. Не было в нем никакой изюминки. Разве что только джип навороченный. Но ведь это преходящее...

– Каким подружкам?

– Ну, Леське, например...

– Какая ж она подружка?.. Я сегодня не знал, как от нее избавиться. Пришлось сказать, что в Москву уезжаю...

– А завтра не будешь знать, как избавиться от меня... Хотя нет, со мной у тебя ничего не выйдет, можешь не сомневаться...

– Что не выйдет?

– А то, что с Леськой вышло...

– Ничего у нас не вышло, – мотнул он головой. – Не знаю,

что она там тебе наплела.

– И кто тебе поверит?

– Да мне как-то все равно, веришь ты или нет... Или между нами уже что-то есть?

– Есть. Вот это водохранилище. Ты на одном берегу, я на другом...

– Так далеко?

– А ты хочешь, чтобы я тебе на шею бросилась? – ехидно усмехнулась Люба.

– Может, и хочу, – проникновенно посмотрел на нее Рэм. – Нравишься ты мне, вот что я хочу тебе сказать...

– Скажи еще, что на дискотеку из-за меня приходил.

– Не скажу... Скучно было, а тут Генка ваш. Мы его отца за нашим домом смотреть подрядили. А вчера Генка пришел. Ну и уболтал меня... Думаю, погляжу, что там у вас. Поглядел... Я даже не думал никого к себе приглашать. А как тебя увидел, так понесло. Думал, что ты тоже будешь. А ты ушла...

Машина медленно шла вдоль берега. Похоже, Рэм искал безлюдное место. Вроде бы поздний вечер уже, а темнота как назло и не думает сгущаться. Ему назло...

– Искупаемся? – поинтересовался он.

– А потом что? – усмехнулась Люба.

Рэм понял, о чем она говорит.

– А что, между парнем и девушкой может быть только секс? Если с этим не получается, то нужно разбегаться? Мы

можем просто искупаться. У меня в багажнике осетрина, шампура. Можно шашлык сварганить. Просто пообщаемся...

– А почему нет? – пожала плечами Люба.

Действительно, Рэм же не чумной, нечего шарахаться от него...

– Шашлычки, говоришь... Шашлычки – это хорошо. Искупаться тоже можно... Только я купальник не прихватила...

– Можно без него, – сказал он спокойно.

Хоть бы маленькая похотливая искорка в глазах мелькнула.

– На мне вообще ничего нет. Только халат и все... Это плохо?

– Думаю, что нет.

– Вот и я так думаю...

И она старалась держаться так же спокойно, как будто речь шла о самых обыденных вещах... Впрочем, что здесь такого? Он же не маленький мальчик, чтобы смущаться от вида голы женщины. Да и она не девочка... Вернее, девочка, но без комплексов...

Она даже не попросила его отвернуться, когда раздевалась. И даже не потому что ей не было стыдно. Скорее потому, что в костюме Евы она выглядела куда более пристойно, чем в своем затрапезном халате.

Вода была теплая. Чистая. Рэм плавал рядом с ней, но

приставать не пытался. Вот если бы она сказала «да»... Но надеяться ему было не на что. Не нравился он ей как мужчина. Хотя она была не прочь иметь его в качестве своего друга.

2

Леську трясло, как в лихорадке.

– Ну и как это называется, подруга ты моя гребаная?

– А ты что, свечку держала? – огрызнулась Люба.

Хотя понимала, что сейчас Леське лучше не перечить. Она и без того на всех оборотах. Может так занести на повороте, что мало не покажется.

– Только не надо мне мозги пудрить, – скривилась Леська. – Подруга чертова! Меня спать уложила, а сама с этим козлом укатила...

– Ну если он козел, зачем он тебе нужен?

– А вот и нужен! И ты сама знаешь, зачем!.. Что, не охота в дерьме жить, да? Принца подавай?.. А мне тоже шоколада охота!..

– Знаешь, сколько у него таких принцесс, как мы?.. Сама же знаешь, что ни тебе, ни мне от него ничего не обломится.

– А не знаю!.. Тебя он к себе на вечерину выдернул. А меня – нет!

Что верно, то верно. Позавчера Рэм сообщил Любе, что хотел бы отметить с ней свой день рождения, который был у него еще в прошлом месяце. Вчера же сказал, что пригласил

к себе Генку и Серегу, Тоньку и Аську. Так же добавил, что Леська в пролете. Достала, дескать, его эта дура, что неудивительно... А Леська уже в курсе. Или Тонька проболталась, или Аська...

– Ну, значит, не нашел тебя, – пожалала плечами Люба.

– Не нашел. Потому что не искал...

– Значит, уже ищет. Еще не вечер, так что не надо бабушку мне здесь лохматить...

– Это кто еще кого здесь лохматит!.. Думаешь, я дура, думаешь, ничего не понимаю? А не угадала. Знаю, что у тебя на уме. Рэма к рукам прибрать хочешь. Меня побоку, а сама под венец из грязи в князи... Кинула ты меня, Любка, круто кинула!

– Знаешь, что я думаю? Думаю, что ты дура... Дура ты и есть... Не нужна я Рэму. Сама знаю, какой он, поматросит и бросит...

– Меня бросит. А тебя – нет... Короче, Любка, если у тебя с ним срастется, жизни я тебе не дам!

– Ну, спасибо, подруга!

– Костлявая с косой тебе подруга!.. Ты ее не видишь, да? А я вижу... Я все вижу!.. Не жить тебе. Не жить!..

Леська смотрела куда-то мимо Любы. Глаза подернулись мутной пеленой – как застойный пруд зеленой ряской. Уж действительно, не смерть ли она видит у нее за спиной?..

– Э-эй! – Раскрытой ладонью Люба помахала перед ее остекленевшими глазами.

Леська вздрогнула, как это бывает с людьми, внезапно пробудившимися от кошмарного сна. Но в себя так и не пришла.

– А иди ты на ... ! – вызверилась она.

И резко повернулась к Леське спиной. Только ее и видели. Но вряд ли это была последняя их встреча...

Глава 3

1

Люба уже два раза ездила с Рэмом купаться на водохранилище. Но к нему домой попала впервые. И надо сказать, осталась под впечатлением.

Дом стоял на самой дальней окраине города, в сосновом бору на берегу мелкой живописной речушки. Двухэтажное здание в минеральной шубе кофейного цвета и под красной черепичной крышей чем-то напоминало яркое и очень аппетитное пирожное... Она-то думала, что Рэм жил в обычном коттедже в квартале, где обитали «новые русские» местного разлива. Но это был самый настоящий особняк. Чудесная сказка в сосновом лесу...

– Ну и как тебе моя избушка? – с видом самодовольного индюка спросил Рэм.

– Твоя?!

Люба почему-то думала, что дом этот принадлежит его родителям. Да иначе и быть не могло.

– Ну да... Участок этот нам по случаю достался. Место хорошее, не разговор. Но не Рублевка же... А дом все равно поставили, так, чтобы место не пропадало. Сама понимаешь, все лучшее детям, – с неуместным, казалось бы, сарказмом

усмехнулся Рэм. – Вот этот дом дитяти и отдали, то бишь мне...

Хотела бы Люба получить такую «избушку» по случаю...

Рэм провел ее в дом. И там красота: просветленный простор, замысловатые конфигурации комнат, модные тона, подвесные потолки с множеством лампочек. Мебели было совсем немного, но все, как сказала бы Леська, в цвет...

– Умереть и не воскреснуть! – Люба так же знала несколько словечек, чтобы выразить свой восторг.

В доме было прохладно – работали кондиционеры. Но это глупость: на улице, да, жарко, но ведь дом стоял в тени раскидистых сосен. Но богатые могли позволить себе глупости, которые не были доступны простым людям. В доме у Любы даже вентилятора не было, а жара там сейчас несусветная...

Рэм провел ее в комнату на втором этаже. Полукруглое помещение в розовых тонах, необычной формы кровать, встроенные в стены шкафы, синтетическая шкура белого медведя на паркетном полу, пуфики... Красота.

– Твоя комната... – пояснил он. И тут же уточнил: – Ну это, если на ночь захочешь остаться...

– Ночь длинная, может, и захочу, – не стала ерепениться Люба.

Ей нравился этот дом. Она была не прочь провести здесь недельку-другую. Только вот в постель к Рэму, хоть убей, не хотелось... Ну почему так? Парень он, может, и не самый симпатичный, но ведь мужчине совсем не обязательно быть

красавцем. Лишь бы чувства омерзения не вызывал, а этого как раз-то и не было. Нормальный в общем-то пацан. Но не лежала к нему душа. И сердце не замирало в ожидании ласковых прикосновений. А Рэм, надо сказать, не очень-то следил за своими руками. В дом заводил – рукой нежно плечико примял, в комнату – ладонью по спине провел. Мог и на попу руку как бы невзначай положить. И если это вдруг случится, не известно еще, заметит Люба прикосновение или нет. Как будто Рэм дух какой-то бестелесный, а не человек...

– Гости еще не скоро будут, – сказал он. – Может, искупаемся? Он отвел в сторону створку встроенного шкафа, вытащил оттуда несколько пакетов. С пафосной небрежностью бросил их на кровать.

– Выбирай... Думаю, что твой размер...

Как знал, что Люба не удержится от искушения и полезет потрошить пакеты. Но она бы не притронулась к ним, если бы он остался в комнате. А он догадался оставить ее одну.

В одном пакете она обнаружила целый ворох купальников – закрытые и открытые, широкие и узкие, черные и цветастые... На любой вкус, но все примерно одного размера. И, судя по всему, модные и дорогие...

В другом пакете – целых три халата. Махровый – длинный, шелковый – короткий, еще один шелковый с богатым орнаментом в стиле гейши... И не ясно, в каком халате Рэм бы желал ее увидеть. Скорее, в коротком. Что ни говори, а ножки у нее не плохие – может, и не самые длинные, но в

остальном очень даже ничего...

К тому же Рэм заслужил благодарность. Поэтому Люба вышла во двор в коротком халатике. Сняла его у бассейна, и осталась в узком купальнике с открытой попой... А чего стесняться? Тем более, что он уже видел ее полностью обнаженной...

Бассейн впечатлял размерами. Хоккейная площадка, никак не меньше. Такое ощущение, будто солнечные лучи мягко огибают кроны деревьев и фокусируются в центре водоема. А вода какая – чистая, с голубым оттенком, теплая, как парное молоко. Купаться – одно удовольствие. И Рэм своим присутствием совсем не раздражает. Хотя и не волнует, не вдохновляет на эротические грезы. И судя по всему, он это понимал. Потому и не пытался приставать. А ведь какая возможность. Романтический ландшафт, приятное звуковое оформление – плеск воды, щебет птиц... И вокруг никого. Никто не помешает, если вдруг что... Но никаких «вдруг» не случилось. Потому что не должно было случиться... Вот если бы рядом с ней сейчас плавал Фим, тогда бы... Но не было Фима. И не будет никогда... Может, и не стоит тогда мечтать о журавле в небе?..

Гости появились вечером. Но раньше них прибыла обслуга – два крепких парня в строгих черных костюмах, типа охранники. И две девушки, призванные исполнить роль официанток. Красивые девушки, можно сказать, модельной внешности. Любе показалось, что она их и не стоит. Но Рэм

смотрел только на нее. Как будто в этом мире для него существовала только она одна...

Столы накрыли на широкой террасе дома. Из ресторана доставили мясные и рыбные блюда, черную икру, экзотические салаты и фрукты. Шампанское, дорогой коньяк и ямайский ром. На фоне этого изобилия подтянувшиеся гости казались безликими сиротами. Все в затертых футболках и дешевых джинсах. Надо сказать, что в своей собственной одежде Люба выглядела не лучше. Та же футболка, те же затасканные джинсы. В махровом халате Рэма она бы смотрелась куда нарядней. Но халат остался в комнате. В ее комнате...

Надо отдать должное Рэму, он не стремился выделиться из толпы. А ведь он мог надеть дорогой клубный пиджак. Наверняка, таковой у него имелся...

– А Леська где? – неосторожно спросил Генка.

– Да найти ее не смог, – уныло глянул на него Рэм. Немного подумал и спросил: – А она нам нужна?.. Кажется, у нас и без нее полный комплект...

– Ага, каждой твари по паре, – ухмыльнулся Серега.

Но почему-то посмотрел не на Тоньку, не на Аську, а на красотку-официантку, которой был бы только рад составить пару. Она улыбнулась ему в ответ. Но улыбка фальшивая. Чисто из вежливости. В глазах же отчужденность... Если Серега о тварях говорил для красного словца, то для этой красотки он был тварью на самом деле. Ничем он не мог привлечь ее внимания: ни деньгами, ни статусом. А то, что па-

рень он в общем-то симпатичный, роли не играло. Такие девочки, как эта, реагируют только на толщину мужского бумажника, а все остальные достоинства рассматриваются в качестве несущественного приложения...

И на Любу эта же девочка посматривала без должного уважения. Но с завистью. Потому как сама хотела оказаться на ее месте. Ведь у Рэма-то как раз и был толстый... бумажник.

А Рэм не уставал оказывать Любе знаки внимания. Ухаживал за ней, опекал, старался произвести впечатление. И надо сказать, это ему удавалось.

Уже были выпиты две, если не три бутылки коньяка, когда к воротам дома подъехал микроавтобус. Люба вопросительно посмотрела на Рэма.

– Сюрприз! – загадочно улыбнулся он.

Взял ее за руку и вместе с ней отправился навстречу новым гостям.

У Любы отвисла челюсть, когда она увидела, кто пожаловал к Рэму в гости. Знаменитая группа «Бара-Бас». Два парня и одна девушка. Лица с экранов телевизоров и обложек глянцевого журналов. Не узнать их было невозможно.

Рэм поздоровался с ними, как со старыми знакомыми, представил им Любу, как свою девушку. Так и сказал «Моя любимая девушка»... Пригласил всех за стол, но ребята ответили дружным отказом. Оказывается, они приехали не пировать, а работать. Люба в столбняке с открытым ртом наблюдала, как они готовятся к выступлению.

Подготовка не заняла много времени. Минимум музыкальной аппаратуры и полный ноль световой техники. Одинокий синтезатор с ударником и голоса артистов...

Группа с номером не тянула. Можно сказать, с ходу врубили музыку. Композиции яркие, азартные, заводные. Но явная фонограмма... И все равно ноги сами идут в пляс... Плохо, что все быстро закончилось. Всего три песни. И при том не самые хитовые... Но все же Люба была потрясена. Если Рэм хотел ее ошеломить, то ему это удалось на все сто...

После выступления Рэм снова пригласил артистов к столу. Но те вежливо отказались. Они явно куда-то спешили. Понять их можно. Жизнь у них яркая, насыщенная, дел всегда по горло... Люба поймала себя на остром желании оказаться в рядах служителей поп-музы. Но куда ей... Хотя, если разобраться, голос у нее не такой уж плохой. Одно время даже в школьном хоре пела. Недолго, правда, но ее хвалили. Однако для большой сцены этого мало. Нужно специальное музыкальное образование, а как же иначе? Да и как попасть на эту сцену, когда нет никаких возможностей...

«Барабасы» уехали. Но гости уже разошлись. Танцы продолжались под убойную музыку, рвущуюся из мощных колонок навороченного музыкального центра.

Но впереди был еще один и, как оказалось, гораздо более яркий сюрприз, чем предыдущий. Во всяком случае для Любы...

Уже начинало темнеть, когда к дому подъехал еще один автобус. И не изящный «Мерседес», на котором раскатывал «Бара-Бас», а старый перекошенный «Пазик». Из машины выгрузилась очередная партия музыкантов. Группа «Бургомистр». С Фимом Речным во главе.

Рэм подал знак, и охранник вырубил музыкальный центр. Ошалевшая от удивления Люба потянулась к Фиму, но Рэм взял ее за руку и потащил за стол. И все остальные направились вслед за ними.

– Откуда они взялись? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Да так, случайно мимо вашего клуба проезжал, – пренебрежительно поморщился Рэм. – Дай, думаю, зайду... Зашел, заплатил. Пусть поют, а что?

– Да ничего...

– Это, конечно, не «Бара-Бас». Но так и стоят копейки... – с упором на последнее слово сказал Рэм.

Неужели он нарочно заказал Фима, чтобы показать, насколько он ничтожен по сравнению с теми же «барабасами»?..

«Бургомистр» готовился к концерту более обстоятельно. И ударник, и гитары, и синтезатор, и громоздкие колонки. Оборудование явно устаревшее. Зато ожидался живой

звук... А живой Фим так уже находился в поле зрения. Люба замороженно наблюдала за ним. Рэм же, казалось, этого не замечал. И на Фима он старался не смотреть. Всем видом показывал, что он для него пустое место. И к столу не думал приглашать, хотя Люба очень того хотела...

В конце концов «Бургомистр» развернулся в «боевой» порядок. Ухнули барабаны, заскрежетали гитары... Звук ужасный. Настоящий громовой сумбур. К тому же музыканты нещадно фальшивили. Но Люба знала: стоит Фиму запеть, как все изменится, и кошмар бешеных децибелов превратиться в музыкальную сказку...

Но, как это ни странно, ничего не изменилось. Или с аппаратурой что-то случилось, или Фим сорвал голос, но он не в силах был переорать ревущие гитары и воющий синтезатор... Да и сам Фим почему-то не производил должного впечатления. Люба привыкла видеть в нем лихого самоуверенного парня, а сейчас у нее на глазах с трудом выдавливал ноты растерянный, если не сказать, подавленный неудачник... Но все же это был тот самый Фим, перед которым она преклонялась. Тот самый Фим, которому она бы отдалась, не задумываясь...

– Не хочу... бум-бум, вжи-вжи...

– Не хочу... вжи-вжи, бум-бум...

Ничего не понятно, о чем он поет. Хорошо, что слова этой песни Люба знала наизусть. Плохо, что пение Фима сопровождала кошмарная какофония, по сравнению с которой

визг бензопилы казался сюитой Моцарта.

Люба поймала себя на мысли, что нет у нее никакого желания влиться в эти отнюдь не стройные ряды музыкантов, как это было с группой «Бара-Бас»... Один только Фим из этого собрания по-прежнему волновал ее воображения. Но и он казался ей сейчас простым смертным...

«Бургомистр» гнал примитивную попсу. Не в том смысле, что попса, по мнению особо умных, сама по себе примитивна. Нет, песни, которые исполнял Фим, были дрянь. И как ни хотела признаваться себе в этом Люба, так оно и было... Об этом свидетельствовали кислые лица слушателей. Даже Тонька с Аськой были далеки от проявления восторга. И на площадку танцевать никого не выкидывало.

Все облегченно вздохнули, когда «какоконцерт» наконец закончился. Но хлопать в ладоши никто не собирался. Одна только Люба поднялась со своего места и в порыве наигранного восторга замахала руками. Но Фим взглянул на нее пустыми глазами. Ни малейших признаков живого интереса. Даже сейчас она была для него пустым местом...

Рэм тоже махнул рукой. Но это был барский жест. Дескать, собирайтесь, лабухи, и убирайтесь... Но попрощаться с ними он все же вышел. С высокомерным великодушием похлопал Фима по плечу, на глазах у всех сунул ему в карман стодолларовую купюру и, не дожидаясь, когда он выйдет за ворота, повернулся к нему спиной. В свой автобус музыканты садились под присмотром охранников. И у этих кислые

лица...

– Шняга, – опускаясь в свое кресло, презрительно поморщился Рэм.

– Фуфло! – поддакнул Генка.

– А Любка тащится! – как бы невзначай сообщила Тонька.

– Глупость тащится по твоим извилинам, – огрызнулась Люба.

Как это ни странно, но ей вдруг стало стыдно оттого, что Фим со своей группой был ее кумиром.

– Это тебе показалось, – насмешливо глянул на Тоньку Рэм. – Люба от «Бара-Баса» тащится...

В отличие от всех он называл ее по имени без всяких уменьшительных суффиксов. Но сленговых словечек и не думал стесняться.

– У «барабасов» напряги, им завтра на гастроли на Черное море лететь, – продолжал Рэм. – Чес у них. Поэтому они обратно в Москву спешили. А так бы с нами оттянулись... Ничего, мы с Любой тоже в Сочи сгоняем. На пару недель. Она с «барабасами» поближе познакомится. Может, и споет с ними... А что, слабо?

– Что, слабо? В Сочи с тобой?! – удивленно и в то же время с одобрением глянула на него Люба.

От Сочи она бы не отказалась. Море, чайки, пальмы, шезлонги... Может, потому он столько купальников ей купил, что собирался взять ее с собой на море?.. Да, с ним не соскучишься...

– Да море само собой, – махнул рукой Рэм. – Я на счет спеть с «барабасами»...

– Гонишь?

– Да нет, я дело говорю. Голос у тебя красивый. Ну, когда говоришь. Из глубины откуда-то... Мне кажется, ты и спеть можешь. И уж получше этого Бима... Или Фима?.. Хотя какая разница!.. А давай проверим, а?

– А гитара есть? – спросил Серега.

Находившийся под кайфом Серега был уже в таком состоянии, когда гитара и три аккорда, которые он умел на ней брать, казались ему как минимум симфоническим оркестром.

– Да какая гитара? – поморщился Рэм. – Караоке есть... В дом пошли, а!

В холле у него стоял больших размеров телевизор. И музыкальный центр до кучи. Откуда-то из ящика он достал шнур с микрофоном, подсоединил его к центру. Вставил диск, включил телевизор, разобрался с меню.

– Во, Успенская, «Люба-Любонька». Это как раз про тебя... Держи!

Люба взяла протянутый микрофон. Какое-то время смотрела на него. Затем глянула на экран. Любовь Успенская на сцене, рот открывает, но слов не слышно. Только музыка. А слова внизу экрана, строчками тянутся... Аккомпанемент есть, а петь самой нужно. И она запела:

– Люба-Любонька... Целую тебя в губоньки... За то, что

ты поешь, как соловей...

Ни в лад, ни впаад... Ерунда какая-то на постном масле... Люба вернула микрофон Рэму.

– Не издевайся, ладно?

– Кто издевается? Я – издеваюсь?!.. Шутишь, да! Клево же!..

– А можно мне!

Аська выдернула у него микрофон и припала к нему так, как будто в рот собиралась целиком засунуть.

– ЛюбаЛюбонькацелуютебявгубоньки...

Словесно-музыкальный понос под высоким давлением. Слушать невозможно...

– Дай сюда!

Но и у Тоньки мало что получалось. Хотя песню отвыла до последней нотки...

– Любе «тройка», остальным «двойка»! – объявил результаты Рэм. – Повторим урок!

Он снова запустил ту же песню. И снова отдал микрофон Любе.

Но и в этот раз она в ноты не попадала. Единственное, что уверенности было побольше. И голос держала поровней...

– Уже «три с плюсом», – приободрил ее Рэм. – А теперь по новой... А как ты думала? С первого раза даже у кошек не всегда получается...

– Это ты о чем? – усмехнулась она.

– О песне... А ты о чем подумала?

– Я не думаю, я пою...

– Вот и пой... Честное слово, неплохо получается...

Третья попытка принесла ей «четверку», по оценке самозванного жюри. Да Люба и сама поняла, что песня в ее исполнении звучала не так чтобы уж совсем безнадежно. И в такт попадала, и ноты тянула. Даже модуляции удавались, хоть и неверно, но все же...

– Вот так, сегодня ты, Любонька, по Брайтону гуляешь, а завтра, может, выйдешь на Бродвей, – расплылся в улыбке Рэм.

– Да я в общем-то и до Москвы еще не доросла...

– Какие твои годы... Может, повторим?

Люба кивнула. Она уже вошла во вкус. И была уверена, что на четвертом круге песня в ее исполнении хоть на чуть-чуть, но приблизится к правильному исполнению.

И в самом деле, получилось лучше. Но на втором припеве Рэм забрал у нее микрофон.

– Люба-Любонька, целую тебя в губоньки!..

Пропел он и вдруг потянулся к Любе, обнял ее одной рукой за шею и крепко припал ее губам. И она даже не попыталась вырваться... Не дикая же она в конце концов.

Жаркий поцелуй не вызвал в ней бурный всплеск головокружительных чувств. Но и отторжения не было. Омерзения, тем более... Обыкновенный парень, обыкновенный поцелуй. Даже приятно...

Рэм отпустил ее. Снова растянул рот до ушей.

– Это за то, что ты поешь, как соловей...

– Я может, и соловей, – усмехнулась она. – Но баснями меня кормить не надо...

Ей вдруг остро захотелось выпить. Душа требовала. И Рэм, похоже, понял, чего она хочет.

Но коньяка на столе не было. Только шампанское и ром. И официантки куда-то подевались...

– Я их всех отпустил, – сказал Рэм. – Поздно уже...

Люба удивленно подняла на его глаза. Он что, мысли умеет читать? Или она мысленный вопрос озвучила?.. Впрочем, неважно. Плевать ей на официанток и на охранников тоже. Было бы хуже, если бы Рэм исчез. Привыкла она к нему, что ли...

Генка схватился за бутылку. Но Рэм его остановил.

– Не надо мешать. Сейчас коней с яками пригоню...

Он сам лично сходил на кухню. Вернулся минут через десять. Две бутылки коньяка принес.

– Может, винта замутим? – предложил Серега. – У тебя колеса есть?

– Завязал, – мотнул головой Рэм. – И тебе советую... А зачем винт, тебе что, так плохо?

– Да как-то не очень...

– Сейчас еще коньяку выпьем и станет лучше...

– Да это вряд ли... Но выпить надо!

А ведь прав оказался Рэм. Коньяк оказался крепким. В какой-то момент Любе показалось, что у нее крылья за спи-

ной разворачиваются. А низ живота вдруг налился приятно зудящей тяжестью. Но она не помешала ей как бы воспарить. Казалось, тело осталось в кресле, а сознание зависло над столом. Странное ощущение.

– И зачем ты халдеек этих отпустил? – обращаясь к Рэму, спросил Генка.

Он сидел рядом с Любой, но голос его доносился откуда-то снизу. Как будто она в самом деле парила над столом, как ангел с крылышками. Да и самого Генку она видела как будто сверху. Но тянуло ее к Рэму. Он смотрел на нее, и такое ощущение, будто в глазах у него магнит. Неведомая сила жаркой рукой хватала ее за низ живота, тащила к нему. И вовсе не хотелось сопротивляться...

– Так до десяти договор был, – откуда-то издалека донесся голос Рэма. – А уже третий час...

В это трудно было поверить. Вечеринка началась в седьмом часу вечера. Вроде бы совсем недавно это было, а уже третий час ночи. Или время так быстро пронеслось. Или Рэм путает... На часы Люба смотреть не стала. Желания не было. Да и часов тоже... Может, Рэм как-нибудь догадается часики ей подарить. Она даже знает, как его отблагодарить...

– Жаль, клевые девки... – сокрушенно вздохнул Генка.

– И стоят клево, – кивнул Рэм. – Пятьдесят баксов в час...

– Они что, проститутки?

– Ну, может, быть. Только я у них не спрашивал, сколько они за *это* берут. Я им за работу платил. Пятьдесят в час...

– Аську надо было взять. Она бы забесплатно, да, Аська? – усмехнулся Генка.

– А это смотря что? Если официанткой, то да, можно и за «спасибо», а если ноги раздвинуть...

– А если просто стриптиз?

– Да не вопрос!

Аська осталась сидеть, зато Тонька, как ужаленная, сорвалась со своего места. Глаза горят, на губах шальная улыбка. Она рукой смела посуду, прыгнула на стол. И как резаная заорала:

– Музыку!!!

Рэм тут же включил аппарат. И Тоньку закружило-понесло. В такт музыке она не попадала, но танцевала, как заведенная. Сорвала с себя футболку, лифчик. Но с джинсами справиться не смогла. Стала стаскивать их вместе с трусами, запуталась, потеряла равновесие и рухнула прямо на руки к Генке. А тот, как зверь, набросился на нее. Схватил в охапку и с ревом возбужденного неандертальца потащил ее в темноту двора. Люба захохотала, наблюдая за ними. Но тут же осеклась. И не потому, что стыдно стало. А потому, как поняла, что завидует Тоньке. С ней сейчас такое будут вытворять... Ужасные мысли. Но как заводят!

– Серега, айда купаться! – с безумными глазами вскочила со своего места Аська.

Ее трясло, как в лихорадке. Но это не помешало ей сорвать с себя футболку, под которой не было никакого лифчи-

ка. Серега пришел в такой же безумный восторг, сгреб Аську в охапку и потащил к бассейну.

– Что это с ними? – спросила Люба, глядя на Рэма широко раскрытыми глазами.

– А что с тобой?

Он не просто смотрел на нее. Он раздевал ее взглядом.

– Да я бы тоже искупалась...

Ей тоже вдруг захотелось стащить с себя футболку, джинсы. Пусть Рэм любит ее. Пусть... Пусть, что хочет, то и делает... Пусть делает, что хочет она...

– Так пошли!

Люба взвизгнула от радости, когда Рэм подхватил ее на руки, взгромоздил на плечи и потащил к бассейну. Но на полпути он остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и галопом понесся к дому. На всех парах взбежал вверх по лестнице на второй этаж, сгрузил Любу на кровать в своей спальне...

Майку снимать не пришлось. Девушка умудрилась избавиться от нее в пути. А с джинсами он справился без проблем. Ноги она раздвинула сама...

3

Люба с трудом разомкнула глаза. Жутко хотелось спать, но Рэм настойчиво тряс ее за плечо... Ах, да, она же у него дома, в его постели. За окнами уже светло – утро или даже

полдень, а может, и к вечеру дело близится...

Она протерла глаза, безуспешно пытаясь разогнать сон. Беспомощно посмотрела на Рэма:

– Может, я посплю еще немного, а?.. Посплю чуть-чуть, а потом выгоняй, ага?

– Тебя никто не гонит, – сказал он. И озадаченно почесал затылок. – У тебя это, месячный отчет, да?

Мысли в голове перепутались, но все же она поняла суть вопроса.

– Да нет... И не ожидается... А что?

– Откуда тогда кровь?

– А-а, это... Так ты цветок мой... Девственности, короче, лишил... Мне, конечно, жаль, но спать еще больше хочется... Подожди, я сейчас, совсем чуть-чуть...

Она повернулась к Рэму спиной, свернулась калачиком и с головой нырнула в царство Морфия. Но успела-таки почувствовать, как тело окутал шелк простыни. Рэм позаботился...

Проснулась она под давлением тяжелого пристального взгляда. Кто-то нехорошо смотрел на нее. Люба еще во сне почувствовала такой страх, что, проснувшись, побоялась открыть глаза... Что это с Рэмом стряслось? Чего он так злится?.. Ну да, он же добился своего. Теперь она ему больше не нужна. Кто там у него на очереди?..

Обида пересилила страх, и Люба открыла глаза. Но вместо Рэма обнаружила какую-то женщину в возрасте. Та сто-

яла посреди комнаты и зло смотрела на нее. Высокая, вроде бы полноватая, но кажется стройной. Стильная прическа, макияж, летний брючный костюм. Можно было сказать, что дама красивая, если бы не ее лютый, как у ведьмы, взгляд. Он очень портил ее. И на Любу наводил порчу. Она не была робкого десятка, но сейчас ее охватила самая настоящая жуть...

– Ну чего вытаращилась?

По идее, этот вопрос должна была задать Люба. Но спросила женщина. Нагло спросила, презрительно.

– Хоть бы закрылась, шалашовка!

Только сейчас Люба поняла, что лежит перед ней совершенно голая. Рэм вроде бы укрывал ее простыней. Но шелк легко соскальзывает с тела. И неудивительно, что простыня сейчас лежала на полу.

Женщина оскорбила ее. И внутри у нее все поднялось. И страх вдруг куда-то подевался.

– Где ты шалашовку видишь?

Люба глянула вправо. Никого. Влево. И там ни единой живой души. Многозначительно посмотрела на женщину. И так же многозначительно протянула:

– А-а, вот ты о ком!

– Дрянь! – взвизгнула женщина. – Собирай свои манатки и пошла отсюда!

– А ты кто такая? – вызывающе усмехнулась Люба.

Она и не думала закрываться. В конце концов эту дуру

никто сюда не звал. Сама заявила, сама и убраться должна была, увидев голую девушку.

– Кто я такая?!.. Это ты кто такая?..

В этот момент в комнату влетел растрепанный Рэм.

– Мам, ну ты чего? – растерянно пробормотал он. – Это Люба!..

– На какой свалке ты нашел эту шлюху? – набросилась на него женщина.

Теперь Люба знала, с кем имеет дело. Да и раньше могла бы догадаться. Должны же у Рэма были быть мать и отец. Сироты так хорошо не живут...

– Она не шлюха. Не надо так говорить!

– А это мне решать, что говорить, а что нет!

– А пусть говорит, что хочет! – влезла в разговор Люба.

Влипла, что называется, в историю. Но есть возможность выпутаться из нее. Она просто уйдет из этого дома. Всего-то дел – встать с кровати, одеться и сделать ручкой...

– А ты не унижайся! – осуждающе покачала она головой. – Тебе это не идет...

– Да что это такое? – вспенилась стервозная мамаша. – Какая-то дрянь смеет давать советы моему сыну!

– Вам что, на баб голых нравится смотреть? – поднимаясь в полный рост, ехидно спросила Люба. – Хотите, чтобы я вам попозировала? Ладно...

Она поставила ногу на кровать, подняла вверх руки, выгнула спину.

Мать Рэма чуть не задохнулась от возмущения и злости. Повернулась к Любе спиной и бросилась прочь из комнаты. На ходу рывкнула, обращаясь к сыну:

– Пять минут! Слышишь, пять минут!!!.. Чтобы через пять минут и духу ее здесь не было!

– Аля-улю! И трех минут хватит! – крикнула ей вслед Люба.

Она нашла свои джинсы, быстро влезла в них. Натянула футболку. Кроссовки надела, не завязывая шнурков.

Рэм молча наблюдал за ней. Вид у него виноватый. Но сказать нечего. Все правильно, о чем можно говорить со шлюхой, которая к тому же еще и мамочке дражайшей не угодила. Даже хорошо, что ее выметают из дома поганой метлой: самому объясняться не придется...

Люба выскочила из комнаты. Пересекла малый холл, спустилась по лестнице на первый этаж. В дверях дома нос к носу столкнулась с грузным мужчиной в рубаше и шортах аля сафари. Ни дать ни взять стареющая копия Рэма. Ясно, что его папашка.

– Оу! – расплылся в похабно-восторженной улыбке мужик. – Кого я вижу! Может, русалку?

– Русалку! – съязвила Люба. – Но не про вашу честь!

Она обогнула препятствие и выскочила во двор.

Рядом с джипом Рэма стоял роскошный новенький «Мерседес», из багажника которого водитель вытаскивал битком набитые пакеты из супермаркета. Видать, не на один день

родители Рэма сюда приехали. Да хоть на целую вечность!..
Калитка была открыта, и ничто не помешало Любе выйти за
ограду... Больше ее здесь никто не увидит!

Глава 4

1

– Ну и чего, спрашивается, мы сидим, а? Работы нет? Так не бывает!

Заведующая детским садом была молодая и стервозная. И своим нравом очень напоминала мать Рэма. Только вот лицом не вышла. Та хоть и вздорная баба, но красивая, холерная, утонченная. А эта страшная и худая, как вобла. Мужа нет, друга тоже, что совсем неудивительно. А кому она такая нужна, ненакрашенная?..

– Бывает и хуже. – Люба уныло глянула на начальницу. – Но реже... Перекур у меня. А что, нельзя?

Она сидела на скамейке в глубине детской площадки. У детей «тихий час», а у нее маленький перерыв. С раннего утра как проклятая вкалывала, работала так, что хоть на «доску почета» вешай. А заведующая вместо того, чтобы похвалить, бочку на нее катит. Такая если и повесит, то только под люстру на веревке без мыла.

– Перекур?! – взвизгнула заведующая. – Ты работаешь с детьми и куришь?! Какой пример ты подаешь?

– Так никто ж не видит.

– Я вижу!

– А вы долго меня искали? – усмехнулась Люба.

Для нее самой загадка, как эта стерва нашла ее. Может, сама покурить вышла. Был бы мужик у заведующей, не была бы такой злой.

– Так, бросай сигарету и пошла работать! – топнула ножкой начальница.

Люба не боялась работы. Но ненавидела, когда с ней, как со скотиной, обращаются. В конце концов она не рабыня, а вольнонаемная. Хочет, работает, не хочет – может и послать работодателя.

– Татьяна Васильевна, а хотите, я вас познакомлю с классным мужиком! Таким ночью классным, что вы уже завтра добрей Айболита станете!

– Что?

– Да ничего. Пахать тебя некому, вот что!

– Да как ты смеешь! – чуть не задохнулась от возмущения заведующая.

– Да пошла ты!..

Люба отбросила в сторону сигарету, сняла с себя пожелтевший от времени халат и швырнула им в заведующую. Все, здесь она больше не работает... Пусть эта стерва поищет другую дуру, которая бы согласилась вкалывать беспросветно за жалкие гроши...

Домой Люба вернулась в расстроенных чувствах. К вечеру мамуля подтянется, фитиль вставит. Она-то уже, считай, двадцать лет горшки из-под деток моет, а дочка плюнула на

все на третий же день работы. Вою будет...

Но раньше мамы к ней на огонек заглянула Леська. Явилась не запылилась. И вроде бы не под кайфом. И одета непривычно. Белая блузка, черная юбка до колен. И прическа в строгом стиле, никаких взрывов на макаронной фабрике.

– Ну и чего приперлась? – зловредно спросила Люба.

– Ты чего, подруга? – удивленно посмотрела на нее Леська.

– Подруга?! Ты, наверное, забыла, куда послала меня?

Трудно было забыть, при каких обстоятельствах закончилась их дружба.

– Да ты что? Я ж под допингом была...

– А я туда, между прочим, ходила. Знаешь, а мне понравилось...

Да, ночка с Рэмом оставила неизгладимые впечатления. Люба тогда так была возбуждена, что и боли почти не почувствовала. Сначала ему в спальне отдалась, потом на портике бассейна. Даже в джипе с ним побывала. Потом снова в спальне. И так всю ночь напролет... Такое не забывается.

– С Рэмом была? – с плохо скрытой досадой спросила Леська.

Именно этого Люба и добивалась. Настроение у нее такое было – досадить бывшей подружке хотела. Пусть позлится.

– С кем же еще?.. Генка с Тонькой, Серега с Аськой. А я с Рэмом. А что, нельзя?

– Ну и где сейчас твой Рэм? – не без ехидства спросила Леська.

– А черт его знает! – ничуть не смутилась Люба. – Я же тебе говорила, что ничего серьезного у нас быть не может. Поматросит, блин, и бросит. Так и случилось...

Третья неделя пошла с тех пор, как ее погнали поганой метлой из богатого дома. Рэм так за ней и не приехал.

– Ты бы видела его мамочку! Баба-яга на метле отдыхает!.. Да он бы и без мамочки меня бросил. Свое получил – и в сторону... Я знала, что так будет. И губу не раскатывала...

Губу она, может, и в самом деле не раскатывала. Но по большому счету было бы совсем не плохо выйти замуж за Рэма. Хоть и нет к нему большой любви, зато с ним как сыр в масле кататься будешь. И уж точно никто не заставит корячиться в детсаде за копейки... Но сказка про Золушку не сложилась. Рэм был принцем только до тех пор, пока своего не добился. Все, как в жизни... Обидно. Но не лезть же в петлю...

– Зато как оттянулись! – совсем невесело усмехнулась Люба. – И башню срывало, и днище вырывало. Все было...

– Да Тонька говорила, – скривила губы Леська. – Серега предлагал винта замутить. А Рэм сказал, что и коньяка хватит... Тонька говорит, что он какой-то дряни туда наметил...

А ведь в самом деле. Рэм уходил на кухню за коньяком. Долго ходил... Может, возбуждающее что-то в пойло наме-

шал. Ведь даже Люба как с цепи сорвалась...

– Может, и намешал. Зато здорово было... Поверь, я ни о чем не жалею.

– Да и я в общем-то не жалею. Рэм – упадный чувак. А то, что не склеилось... Ведь и ты в полете, да?

– А ты и рада!

– Ну, не знаю... Может, это и к лучшему. Все кучеряво жить хотят. Кому везет, тому завидуют. А я тебе завидовать не хочу... Да плюнь ты на этого Рэма!

– Уже давно плюнула!

– Ну и правильно... Ты, говорят, в дитюшник устроилась.

– Уже уволилась... Платят копейку, а работать заставляют на доллар...

– Да знаю, сколько там платят. Потому и пришла, – сказала Леська и сделала загадочные глаза. – У меня вот вариант есть. Одной ехать не хочется, может, вместе рванем, а?

– Ты не темни. Что там у тебя, выкладывай! – заинтригованно потянулась к ней Люба.

– Да вот в Москву ездила работу искать. Ну и на фирму одну вышла. Случайно получилось. А случай, знаешь ли, – большое дело. Короче, фирма людей для работы за границей нанимает. Загранпаспорта, визы, билеты – всем обеспечивают, но три штуки баксов, будь добр, верни. Но с заработанных денег. Сначала заработаешь, а потом долг отдашь. С процентами, понятное дело... Так зарплаты там за бугром, знаешь, какие? Полторы-две тысячи в месяц! Зеленыю!!!..

Прикинь, если хотя бы по штуке баксов откладывать, сколько за год закалымишься? А за три! А за пять!.. Через пять лет домой вернешься вся в шоколаде. Хату купишь, тачку... Я вообще, думаю, лет на десять завербоваться. Тогда еще и бизнес открою свой...

– Ты коней не гони, а то за тобой не угнаться. Что за работа? На плантациях, что ли?

– Да какие плантации, о чем ты! Официантками в рестораны! Сейчас бум на русских девчонок...

– Да, слышала. Русские проститутки сейчас в цене...

– Я тебе что-нибудь про проституток говорила? Нет... Этого добра за границей валом. А официантками работать никто не хочет. Вот потому и делают набор... Я когда с менеджером разговаривала, так он прямо мне сказал, чтобы никакой проституции! А то как бывает, нанимаешь бабу, думаешь, она официанткой работать будет, а она раз – и на панель! Там заработки выше... Да ты не переживай! Можно и официанткой работать, и проституткой подрабатывать. Это ж просто – вечером клиента обслуживаешь за столом, а ночью – под столом. И чаевые получаешь, и двести баксов за час...

– А кто тебе сказал, что я подрабатывать хочу? Я путанить не буду...

– Так никто тебя и не заставляет. Наоборот, отговаривать будут... Сама понимаешь, двести баксов за час – такие деньги на дороге не валяются, так что проституток за бугром

валом. А официантов не хватает... Ну так что, поедешь со мной?

– Подумать надо.

– А что думать? Тебя что-то в этой дыре держит?

– Да нет в общем-то...

– А там заграница! Франция! Лазурный берег! Знаешь, сколько там богатеев! Девчонка ты смазливая, может, какого-нибудь француза не бедного подцепишь...

– Лишь бы триппер не подцепить! – развеселилась Люба.

Действительно, а почему бы не попытать счастья за границей. Работы она не боится. Тем более, если вкалывать за свободно конвертируемую валюту. Не важно, доллары это будут или франки. Лишь бы не дешевые рубли...

– А это как ты предохраняться будешь!.. Или ты и там невинность будешь блюсти?

– Ускакала моя невинность. Обратно вернуться не обещала...

Может, в самом деле повезет с миллионером. С Рэмом не вышло. Но так раз на раз не приходится...

2

До вылета оставалось всего два дня. Паспорта, визы, билеты – все это уже на руках у менеджера по авиаперевозкам. Люба уже прошла все собеседования, подписала кучу договоров. Уже и место работы определено. Ресторан «Сеге-

ста» в Сен-Тропе. Там ее уже ждут французские работодатели итальянского происхождения. Впрочем, ей все равно, на кого работать, хоть на негров, лишь бы деньги хорошие платили. А там оклад достаточно высокий – сто двадцать долларов в день плюс чаевые...

Вот так вот, Рэм обещал взять ее с собой на берег Черного моря, а она едет на побережье Средиземного. И работать будет, и отдыхать. А проституцией заниматься не станет. Желания нет. Да и договор она подписала, где черным по белому написано, что за каждый выявленный факт подобного рода она будет выплачивать фирме штраф в размере двух тысяч франков. Все правильно, а то дай таким, как Леська, волю, от проституток во Франции отбоя не будет. А Леська, кстати, собирается заниматься *этим* втихаря. Но это уже ее проблемы...

Послезавтра Люба должна была отправиться в Москву, а уже оттуда вылететь в Ниццу. И прощай, Россия!.. Вернее, до новых встреч. Рано или поздно она сюда вернется. Или сама – навсегда, или с заграничным мужем – на побывку. Она почему-то была уверена, что ей повезет.

Мысленно она уже была на Лазурном Берегу. Солнце, море, яхты, богатые мужчинки в белом... Но пока что она оставалась дома. Тоска вокруг. Но уже нет чувства безнадежности. Ведь впереди ее ждет блестящее будущее. И чем скорее она в нем окажется, тем лучше... Но время тянулось так медленно. День все никак не хотел заканчиваться. А ведь впере-

ди целая ночь, и день завтра надо будет как-то убить...

Но ничего, ничего. Совсем скоро минуты и часы понесутся, как сумасшедшие. Лет через пять Люба вернется домой на белом коне, вернее на белом «Мерседесе» она будет проезжать мимо детского садика и обязательно встретится взглядом со злючкой заведующей. «Фа-фа! Татьяна Васильевна! Что, не ожидали? А я вот вся такая белая и пушистая. А вы как были душой, так душой и остались!»...

От мыслей о белом «Мерседесе» Любу оторвал телефонный звонок.

– Могу я поговорить с Любой Лавровой? – осведомился приятный мужской голос.

Люба сразу же узнала его. Сам топ-менеджер фирмы ей позвонил.

– Да это я, Игорь Алексеевич!

– О-о! Вы запомнили мое имя?

– Ну как же! У меня хорошая память. Да и вы такой мужчина, что вас нельзя не запомнить!

– Похвально, похвально! Думаю, что вас ждет блестящая карьера. Но... Люба, так получилось, что рейс переносится.

Любу как водой ледяной окатили. И без того сутки растянулись на годы. А тут еще дополнительно два-три дня ждать, а может, и неделю.

– И когда вылет?

– Сегодня, в двадцать два ноль-ноль.

– Сегодня?! Так это здорово!

– Тогда собирайтесь. Сбор возле офиса в девятнадцать тридцать! Не опаздывайте!

– Ну что вы!

Люба быстро собрала вещи, наскоро попрощалась с родителями. И отправилась в путь.

На электричке до Москвы ехать часа четыре. Да еще час можно на станции простоять. Так и опоздать недолго. Поэтому она отправилась на автостанцию. Автобусом быстрее. А еще лучше поймать попутку. Это несложно, вышел на трасу и лови...

Она стояла на обочине шоссе. Мимо проносились машины, но пока что ни одна не остановилась... Вот если бы сейчас Рэм ей попался на своем джипе. Пусть он проедет мимо. Но зато увидит, какой у нее счастливый вид. Пусть ему станет хоть чуточку обидно, что Люба может быть счастливой и без него...

Но Рэм мимо не проезжал. Зато остановилась «девятка» с безбашенным водителем за рулем. К Любе он приставать не пытался. Но гнал, как сумасшедший. Левее отметки ста километров в час стрелка спидометра не уходила... Но напрасно Люба боялась, что до Москвы она не доедет. Доехала. Прямым до места назначения. Расплатилась с водителем и направилась к офису фирмы «Work&Travel».

Контора занимала три комнатки в каком-то научно-исследовательском институте на дальних окраинах рабочего промышленного квартала. Помещения неказистые, но с отдель-

ным входом. Нужно было обойти все здание, пересечь технический двор, чтобы попасть в офис. Место довольно мрачное. Но Люба ничего не боялась.

Она ожидала увидеть в офисе кучу народу. Но, кроме охранника, никого не было. Но так и время еще раннее – только-только шесть часов пробило. Еще подтянутся люди.

Зато Игорь Алексеевич был на месте и ждал ее в своем кабинете. И охранник направил ее к нему.

Топ-менеджер внушал доверие. Приятной наружности, хорошо одетый мужчина лет тридцати. Худощавый, подтянутый. Когда Люба была у него на собеседовании, в голову закралась мысль, что в такого мужчину не грех и влюбиться.

– Здравствуйте, я Лаврова... Мне сказали, что вы хотите со мной поговорить...

Люба не отказалась бы сейчас от дольки лимона на язык. В предчувствии грядущего счастья губы сами расплзались в дурацкой улыбке, и она ничего не могла с этим поделать. Может, Игорь Алексеевич угостит ее чаем с лимоном? Она бы сама приготовила...

– Ну, здравствуй, Лаврова... – Он показал ей на стул у стены.

Взгляд холодный, брови нахмурены... Люба вдруг поняла, что ничего хорошего ее здесь не ждет.

– Ты хорошо знаешь Олесю Негласову? – спросил топ-менеджер, и брови его опустились еще ниже.

Его заинтересовала Леська. Что эта дура натворила?

– Да, она моя подруга... А она еще не подъехала?

– А она никуда не едет, – мрачно усмехнулся Игорь Алексеевич.

– Что-то случилось? – похолодела Люба.

– Случилось... Разведка донесла, что твоя подруга втянута в заговор...

Взгляд том-менеджера заледенел. Люба испуганно вжала голову в плечи. Ей уже не нужен был кислый лимон...

– В какой заговор?

– Ну, не заговор. Скорее, сговор. Но тем не менее... Я знаю, что ты едешь на Лазурный Берег, чтобы заниматься проституцией...

– Даже в мыслях не было! – возмутилась Люба.

– Давай без этого, – поморщился Игорь Алексеевич. – Я же тебя насквозь вижу... Девочка ты симпатичная, спросом пользоваться будешь...

– Мне это не нужно...

– Я понимаю. Но без этого хороших денег не зарабатываешь. А деньги тебе нужны. Только не отпирайся, что нужны!

– Нужны... Но я хочу их честно зарабатывать...

– Честно. На панели... Ты уже пробовала когда-нибудь этим заниматься?

– Нет. И не хочу...

– А надо попробовать. Чтобы ты знала, что это такое. Чтобы дурные мысли в голову больше не лезли... Проституток во Франции и без тебя много. И тебя туда еще несет. А я хо-

чу, чтобы ты работала официанткой...

– Так я и буду работать официанткой!

– Да, но ты едешь во Францию не для этого. Ты хочешь быть проституткой... Придется выбить блажь из твоей головы. Клин, как известно, клином выбивают. Так что придется преподать тебе урок, чтобы панель медом не казалась... С родителями ты попрощалась?

– Да.

– Что ж, это хорошо. Пусть думают, что ты за границей. А ты пока побудешь здесь. Ума-разума наберешься...

Люба услышала за спиной скрип открываемой двери. Обернулась и увидела квадратную рожу охранника, который направил ее в кабинет к Игорю Алексеевичу. В руке он держал готовый к применению шприц. А на Любу смотрел, как гестаповский садист-экспериментатор на подопытную жертву...

– Да ты не бойся, все будет пучком! – зловеще оскалился он.

Люба уже и без того поняла, что угодила в грязную ловушку. А с появлением этого мордоворота западня захлопнулась. Выхода нет... Но все же она бросилась на громилу. Нужно сбить его с ног, вырваться из кабинета и бежать, бежать...

Но сбить с ног охранника она не смогла. Свободной рукой он схватил ее за горло, как цыпленка. И тут же воткнул ей в плечо через одежду шприц... Снотворное подействовало

3

Встреча с Игорем Алексеевичем обернулась самым настоящим ужасом. Она не помнила, как оказалась в этой страшной убогой комнате. Зато помнила, что с ней происходило потом...

Серые стены, пыльная циновка на грязном дощатом полу, расшатанная скрипучая кровать. Железная дверь, зарешеченное окно... Самая настоящая тюрьма. Но обыкновенным заключенным и в страшном сне не могло привидеться то, что происходило с Любой наяву. По пять-шесть раз на дню, когда с одним, когда сразу с тремя, русские и чурки... За отказ жестоко били тонкими стальными прутами по пяткам. Люба и ходить уже не могла – так болели ноги...

Снова открылась дверь. Новый клиент. Или клиенты... Люба закрыла глаза, чтобы не видеть их мерзких рож.

– Ты что, в слепую работаешь? – услышала она до отворачивания знакомый голос.

Она открыла глаза и увидела того самого охранника, по злой воле которого она оказалась в этом подпольном притоне.

– Ну как нравится? – осклабился он.

Люба промолчала. Сказать пару ласковых слов страх не позволял. За каждое неосторожное слово здесь следовала

жестокая расправа. А она и без того достаточно настрадалась.

– А ты думала, что жизнь у проститутки лафа...

– Не думала.

– Это ты сейчас не думаешь... Ну что, усвоила урок?

Не хотела она быть проституткой. И в уроке не нуждалась.

Но уж лучше не ерепениться...

– Усвоила.

– То-то же... Официанткой работать хочешь?

– Да.

– Что ж, тогда, считай, тебе повезло. Игорь Алексеевич разрешил тебе ехать в Сен-Тропе...

– Я домой хочу.

– Нет, домой нельзя. Или во Францию, или здесь останешься. Так что выбирай.

– Во Францию...

– Молодец... Рейс через три дня. Отвезем тебя в аэропорт, посадим на самолет...

– Я ходить не могу, – всхлипнула Люба.

– Да в курсе... Норов не надо было свой показывать...

Три дня здесь жить будешь. И не дергайся, чтобы не получать. Если за три дня на ноги встанешь, будет тебе Франция. Нет, здесь до смерти зашибут... И в аэропорту не дергайся. С ментами там все схвачено. Дернешься, снова здесь окажешься, поняла?

– Да.

– Тогда живи. И людей радуй...

Мордоворот ушел. Люба осталась одна в ожидании очередной партии клиентов... Надо будет отработать номер так, чтобы не было никаких жалоб. Она должна улететь во Францию...

Гости не заставили себя долго ждать. Дверь открылась с наступлением темноты. В комнату зашли сразу три неруся.

– Какой дэвочк, да, Асхат? – ощерился омерзительный тип с шакальми глазками.

– Раздэвайсь, Натаща! Вэртолот дэлат будэм! – добавил его не менее омерзительный дружок.

Люба затравленно кивнула и стащила с себя футболку – единственное, что на ней было.

– Загыбайс, да!

Она собиралась выполнить это требование, когда дверь с грохотом распахнулась, и в комнату заполнили люди в черном. Маски, автоматы...

Клиентам даже рта не дали раскрыть. Одного ударили в лицо прикладом. Второго размазали по стене. Третьего за ноги вытащили в коридор.

Любу не трогали. Она лихорадочно потянулась к своей футболке, трясущимися руками натянула ее себя.

Дошла очередь и до нее. Спецназовцы очистили комнату от грязи, а вместо них появился крепкого сложения мужчина в серой ветровке.

– Фамилия? – спросил он, не сводя с нее пристального

взгляда.

– Лаврова.

– Как сюда попала?

– Силой... Я хочу домой! – забилась она в истерике.

– Успокойся. Кошмар твой уже позади. Отвезем тебя домой. Все хорошо будет...

Но сначала ее отправили в больницу. Оказалось, что от страшных ударов у нее загноились обе пятки. Врачам пришлось делать самую настоящую операцию.

Из операционной ее доставили в отдельную палату. А утром к ней пожаловал Рэм. Люба еще не совсем отошла от наркоза, поэтому решила, что это галлюцинация. И только когда он взял ее за руку, она поняла, что никакое это не видение.

Она отвернула голову. Ей стыдно было смотреть ему в глаза. Хотя и не чувствовала за собой никакой вины перед ним. Она ж не сама в подпольный бордель напросилась... На глаза навернулись горькие слезы. Никогда не забыть ей тех ужасов, которые она пережила по злой воле отмороженных ублюдков...

– Ну что ты, все уже позади, – попытался утешить ее Рэм. Но ей стало еще горше.

– Это навсегда, – всхлипнула она.

– Ты же не хочешь *туда* вернуться? – озадаченно спросил он.

– С какой это радости?..

– Почему же навсегда?

– Потому что никогда не отмыться... Я грязная и мерзкая после всего этого... Да ты и сам это знаешь... Не знаю, зачем ты пришел... И вообще, как ты узнал, что я здесь?

– Ты лучше спроси, как я узнал, что ты в притоне... Я же тебя искал. Ну, не сразу искать начал. Предки мне мозги пудрили. В Майами увезли, ну, в Америку. Они там виллу... Э-э, в общем неважно... Короче, я когда в Москву вернулся, сразу к тебе. А тебя нет. Сказали, что ты во Францию улетила, работать... А я-то знаю, на какие работы наших русских девчонок вывозят. Дай, думаю, узнаю, в какую такую Францию ты улетила. И узнал. В списках пассажиров тебя не было... В общем, понял, что ты попала. На твоих предков надел, что да как. Сказали, что ты с Леськой должна была лететь... А Леську я дома нашел. Про тебя спрашиваю, а она волком на меня смотрит. Не знаю, говорит, ничего. А я-то чувствую, что знает... Короче, друг у меня один хороший есть, у него батя в МВД большой чин. Вот он мне и помог. Его подчиненные и Леську раскололи, и на фирму вышли. Чем дальше в лес, тем больше дров... Там у них целая сеть подпольных борделей. Крупные торговые рынки обслуживают. Сначала там девчонок ломают, а потом за кордон вывозят. Нет, не во Францию. В Турцию, Эмираты... Считай, что тебе повезло. Не накрыли бы эту лавочку, ты бы сейчас дальше...

Рэм не договорил. И без того ясно, чем бы сейчас зани-

малась Люба... Он искал ее, ради нее поставил на уши ментов... Он добился своего. Люба спасена. Но нужна ли Рэму теперь грязная шлюха?.. Конечно же, не нужна... А то, что он пришел к ней, так это всего лишь визит вежливости. И еще ему хочется предстать перед ней в образе ангела-спасителя. Чтобы затем тут же улететь на крыльях своего благородства. Сделал дело – гуляй смело. И с любой девчонкой. Сколько их в Москве, красивых и непоганных...

– Спасибо тебе, – совсем невесело улыбнулась Люба. На душе такая тоска, что хоть в петлю лезь.

– Да ладно. Ты же мне не чужая...

– Но и не родная...

Возникла тягостная пауза. Люба сама поставила Рэма в неловкое положение. Озадачила его. Он не хотел вслух отрицать, что держит ее за родную. Как не мог и подтвердить это... Но выход из положения он нашел. Просто-напросто свернул с темы:

– Я с врачами говорил. Сказали, что ничего серьезного. Операция прошла успешно. Гангрены не будет... Да, досталось тебе. За что тебя так?

– Стелиться не хотела... По пяткам били, чтобы товарный вид не портить... Ненавижу!!!

Люба чувствовала, что близка к истерике. И чтобы не сорваться, до боли закусила губу.

– Поверь, они свое получают... Я с ребятами говорил, ну с операми. Они сказали, что всех этих скотов к блатным сунут,

ну в камеру, в тюрьме. Там их самих пользоваться будут...

Люба на миг представила, что с Игорем Алексеевичем будут делать в тюрьме, и волна злорадства смыла с души самый верхний и самый тонкий слой горечи. Но это слабое и недолгое облегчение...

– А ты выздоравливай... И знай, что все плохое уже позади...

– Все позади, – горько усмехнулась она. – Все, все позади...

– Ну да ладно тебе. Я-то вот впереди... Ты вот выздоровеешь, и мы с тобой...

– Что, мы с тобой?.. Нужна я тебе такая...

– Ты мне всякая нужна...

Рэм говорил бодро, но в голосе ощущался дефицит уверенности.

– Ты думаешь, зачем я тебя искал? Понял, что ты самая лучшая... – Зато сейчас он говорил искренне и очень уверенно.

Потому что она была для него самой лучшей. Была.

– Пойми, красивых девчонок много, но все это мишура. Ты другое дело. Ты конфетка, а они всего лишь красивые фантики... Я с тобой в унисон попал...

– Попал... – эхом отозвалась Люба. – Конкретно попал... Рэм, спасибо тебе за все. Ты можешь гордиться собой, и вообще... Может, ты и в самом деле на меня запал, но я не про твою честь. Так что не мучай ни себя, ни меня...

Рэм задумчиво провел ладонью по лбу.

– Ладно, сегодня мучить не буду. Ты сегодня отдохай – от меня и вообще... Знаешь, хандра тебе ни к лицу. Тебе развеяться надо... Слушай, а может, тебе музыку организовать...

– Радио есть – и ладно.

– Какое радио, «Маяк», что ли? «Валенки, валенки» по заявкам трудящихся?.. Я тебе музыкальный центр поставлю... И телевизор с видиком... А еще лучше с караоке... А что, сама петь будешь. Знаешь, как это тоску снимает?

– А ты знаешь?

– Я знаю, что ты без меня пропадешь... Да, если вдруг появится Леська, гони ее в три шеи. Не помню, говорил я тебе это или нет. В общем, это она тебя под фирмачей подставила. Знала она, какая Франция тебе светит...

Леська и сама могла стать жертвой Игоря Алексеевича и его компании. Но ведь ее в бордель не отправили. Дома ее Рэм нашел. Значит, она была с этой сволочью заодно... Говорила же она, что Люба поплатится за свой роман с Рэмом. Вот и подставила...

– Возможно, она в штате «Work&Travel» состоит, – продолжал Рэм. – Легковерных девчонок ищет. И находит...

– Тогда почему ее не арестуют?

– Доказательств пока нет. А может, и вообще не будет... Леська на свободе. Напакостить она тебе уже не сможет, но держись от нее подальше... Ненавидит она тебя. Я когда с ней разговаривал, это понял...

– Из-за тебя все. Она с тобой хотела, а ты захотел со мной... Простить не может...

– А она не дура. Поняла, что у меня серьезные виды на тебя. Так оно и есть... Ну все, я пошел. Вечером жди. С музыкой...

Рэм ушел. И Люба почувствовала себя так, как будто ей перекрыли кислород... Не нравился ей этот парень. Не вдохновлял он ее на сильные чувства. Но без него так плохо...

4

Рэм выполнил свое обещание. Вечером она снова приехал к ней. Вместе с другом, который помог ему доставить в палату телевизор и музыкальный центр.

– Знакомься, это Валера, – представил его Рэм.

Не в пример ему парень был настоящим красавчиком. Загорелый блондин с аристократическими чертами лица. Стройный, подтянутый. Одет вроде бы просто, но дорого. Эксклюзивные джинсы, туфли на загляденье, часы – уж точно не дешевая штамповка. На лице улыбка, но в глазах пустота. Люба поняла, что не произвела на него впечатления. Что, впрочем, не очень ее и расстроило. Ей сейчас нужен был Рэм, а Валера – дело десятое. Да, он красавчик, с этим не поспоришь. Но Люба была далека от того, чтобы влюбляться в него. Он мог вызывать только симпатию. И то лишь потому, что был другом Рэма. И еще можно было испытывать

к нему чувство благодарности, ведь это его отец со своими подчиненными вытащил ее из помойной ямы...

Жаль, что после этого никто не в силах отмыть ее от той мерзости, которая, казалось, намертво прилипла к ней. Валера знал, в каком дерьме побывала Люба. И хотя он старался быть обходительным с ней, в глазах нет-нет да проскальзывала тень отвращения... Да и Рэм больше не заводил разговора о том, что Люба самая лучшая. Может, друга стеснялся. А скорее всего, он сам уже не верит в это...

Ребята установили телевизор, настроили музыкальный центр, объяснили, как пользоваться караоке. Пожелали Любе всех благ. И ушли... Может, в ночной клуб закатятся. Может, прямиком в какой-нибудь массажный салон к проституткам. Родители позаботились о том, чтобы им по жизни светила зеленый свет. Но Люба их не осуждала. Ни в коем случае. Парни хоть и «золотые», но совести у них не меньше, чем зеленых купюр в кармане. А то, что сегодня Рэм будет отрываться с отвязными девочками, так это его право. Нет у него никаких обязательств перед ней... И не будет...

Глава 5

1

*...Я буду баловать и радовать вас песней,
Без песни жить, как без воды, совсем нельзя!*

Но пока что Люба пела и радовала только саму себя. Никаких других песен – только эта, про Любоньку. Хотела довести класс исполнения если не до совершенства, то хотя бы близко к тому. И ведь получалось у нее. Есть у нее вокальные способности. И если продолжить работу над собой, то можно развить их до самого высокого уровня...

Но пела она не только для того, чтобы совершенствоваться своей вокал. Оказывается, музыка – отличное лекарство от хандры. И тоска от веселой песни рассасывается... Может, потому врачи и не запрещали ей баловаться в свое удовольствие...

*Пока в груди не перестанет биться сердце,
Я буду петь для вас, мои друзья!..*

Аплодисментов Люба не ожидала. Но кто-то вдруг захлопал в ладоши. Видно, так увлеклась, что прозевала гостя...

Она оторвалась от микрофона, повернула голову на звук. И оторопела. В дверях стояла мать Рэма. Роскошная, ухоженная от корней до кончиков волос дама. На губах саркастическая улыбка. Она уже не аплодирует, но ладони сведены вместе... Да и хлопала она в ладоши в насмешку, а не искренне.

– Поем? – с издевкой во взгляде спросила она.

– А что, нельзя?

Люба взяла пульт, выключила музыкальный центр.

– Ну, если больше заняться нечем, то почему бы и не петь?.. Знаешь, как та стрекоза, лето красное пропела, оглянуться не успела...

– Это вы о чем?

– О ком. О тебе...

– Я не стрекоза.

– А кто ты? Образования нет, положения никакого... Хотя нет, положение-то как раз и есть. Как положат тебя под мужика, так и лежишь. Еще и ногами дрыгаешь...

Можно было не сомневаться, что эта стерва уже знает, какая беда стряслась с Любой. Видно, ей доставляет удовольствие издеваться над людьми.

– А вам что, завидно? – Люба не собиралась оправдываться. Но и обижать себя не позволит.

– А чему тут завидовать? Я знаю немало достойных девушек, которые могли бы составить партию моему сыну. А он увивается вокруг какой-то прости Господи...

– Господь вас не простит. Злая вы женщина...

– А кто ты такая, чтобы мне быть с тобой доброй?

– Человек я...

– Какой ты человек? Проститутка ты!.. Думаешь, я не знаю, из какого гадюшника тебя вытащили?.. И как ты туда попала, я тоже знаю. За границей хотела работать, за валюту...

– Жало спрячь, – тихо сказала Люба.

Она поднялась с постели. Ей еще больно ходить, но хватит сил дотянуться до этой суки. И плевать, что она мать Рэма. Хватит смелости, чтобы выцарапать ей глаза. И все равно, что ей за это будет... Хуже того, что с ней уже было, быть ничего не может...

– Что?

– Жало, говорю, спрячь! – громко повторила она. – И пошла отсюда!

Мать Рэма дрогнула под натиском ее взгляда. Подалась назад, взялась за ручку двери. Но уходить не торопилась.

– Не надо со мной так, девочка! – угрожающе сузила она глаза.

– А то что? – с вызовом спросила Люба.

– Можешь пожалеть...

– А я уже жалею. Жалею, что у Рэма такая мать!

– Какая-никакая, а мать!.. А вот ты его женой не станешь никогда!

– Да уж лучше застрелиться, чтобы стать вашей невест-

кой! – презрительно усмехнулась Люба.

– Можешь, стреляться, это твое дело. А о Рэме забудь!

– А я его не привораживаю. Он сам хочет быть со мной...

Люба говорила о том, на что хотела бы надеяться. Шестой день она в больнице, и за все это время Рэм был у нее только четыре раза. В первый свой визит он еще говорил, что лучше нее никого нет. А потом как отрезало. Привет, как дела, все такое. И разговоры ни о чем. Как будто она ему больше не нужна. Скорее всего, так оно и есть. И не понятно, какая вожжа попала под хвост его матери. Неужели она думает, что у них с Рэмом все очень серьезно?.. Может, есть у нее веская причина так думать. Может, Рэм сказал, что влюблен в Любу... Все может быть. И хорошо, если так...

– Я не знаю, привораживаешь ты его или нет, но голову ты ему точно морочишь... И вообще, откуда, ты думаешь, у него деньги на отдельную палату для тебя? А этот телевизор?.. Мы ему деньги даем, он от нас полностью зависит...

– Переводите в общую палату, забирайте телевизор, плакать не буду...

– И Рэма заберу!

– А он что, вещь?

– Нет. Просто без денег он тебе не нужен...

– Не надо судить о людях по себе.

– Я сужу о людях по тому, что они собой представляют! А ты пока что ничего собой не представляешь! Даже проститутки из тебя не вышло!

– Так научите меня, может, выйдет из меня проститутка.

– Ну знаешь! – вспыхнула женщина.

Как ужаленная, выскочила из палаты и громко хлопнула дверь. Люба с преогромным удовольствием сжала руку в кулак и выставила из него средний палец...

2

Рэм появился вечером следующего дня. Лицо помятое, взгляд тусклый. И улыбка какая-то фальшивая. Люба все поняла.

– А где Валера? – спросила она.

– Зачем он тебе? – вяло спросил он.

– Не мне, а тебе. Сам, что ли, все это вниз нести будешь? – кивком показала она на телевизор.

– А что, тебя уже выписывают? – удивился Рэм.

– Уже выписали. Мама твоя мне выписала...

– Моя мама?! Она что, здесь была?

– А ты не знаешь...

– Нет. Она мне ничего не говорила...

– Быть такого не может.

– Может... Мы с ней позавчера поругались... А она, значит, у тебя была, да? – Была. Вчера. Петь хотела заставить... Просила, чтобы я оставила тебя в покое. Как будто я тебя на привязи держу... Рэм, если я тебя напрягаю, ты скажи... Нет, даже говорить ничего не надо. Просто уйди. Я все пой-

му. И поверь, плакать не стану...

– Хочешь сказать, что тебе все равно, есть я или нет? – насупился он.

– Нет, не все равно. Ты классный парень, настоящий друг. Я всегда буду помнить, какой ты хороший... – Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал...

– Спасибо, и больше ничего?

– А как ты хочешь, чтобы я тебя отблагодарила? Натурой? Так зачем я тебе такая грязная?

– Если ты о прошлом, так я о нем уже и забыл...

Рэм хотел казаться искренним, но Люба видела, что он кривит душой. Не забудет он никогда о том, что ее пользовали грязные вонючие мужики...

– Ну забыл, так забыл... Рэм, давай не будем об этом. Как у тебя дела? Как институт?

– Да нормально все... Представляешь, Валерка вчера в казино кучу бабок выиграл. До утра с ним гудели. Всю первую пару сегодня проспали. Пронесло. А на второй паре по паре схлопотали...

Рэм рассказывал об институтских делах с искренним увлечением. Ведь в этой теме не было места Любе. А ею он тяготился...

Люба ясно осознала, что Рэм поставил на ней крест. И когда он ушел, поняла, что больше он к ней не придет.

Так и оказалось. Прошло еще четыре дня, а Рэм так ни разу и не появился. Ее выписали и отправили домой. Он за

ней не приехал...

Через два дня она позвонила в больницу и узнала, что Рэм все-таки приезжал. Но только затем, чтобы забрать телевизор и музыкальный центр. Техника его волновала, а сама Люба уже нет...

3

Не суждено было Любе стать официанткой в ресторане на Лазурном Берегу, но по иронии судьбы она устраивалась на такую же работу в своем родном Подберезовске. Правда, это был не ресторан, а кафе. И зарплата не шла ни в какое сравнение с той, которую бы она могла получать во Франции. От четырех до семи тысяч рублей в месяц в зависимости от прибыли. Плюс процент с чаевых...

На работу ее принимал сам хозяин – здоровенный, как буйвол, мужик не самой приятной, если не сказать отталкивающей, внешности. Он смотрел на Любу откровенно раздвигавшим взглядом. И при этом хмурил брови.

– Образования, значит, нет, опыта тоже нет... – густым с хрипотцой голосом подытожил Григорий Борисович.

– Зато есть желание, – неуверенно подсказала Люба.

Не очень-то ей хотелось работать на этого монстра. Да еще больные ноги давали о себе знать. Ходила она легко, но сможет ли она выдержать напряженный ритм работы. Ведь официантка постоянно должна быть на ногах...

– Желание – это хорошо... А как насчет секса? – прямо спросил мужик.

– В каком смысле? – всколыхнулась Люба.

– В смысле, трахаться любишь?

– Ну знаете!..

– А что я знаю? Я ничего не знаю, – ухмыльнулся он. – А хотел бы знать... Может, ты на передок слаба?

– И не надейтесь.

– А почему я должен на это надеяться? Как раз на это я и не должен надеяться. Шлюхи мне здесь не нужны... В случае чего в момент на улицу выставлю...

Самое удивительно, что Григорий Борисович говорил об этом вполне серьезно. Сам производит впечатление законченного развратника, а требует от своих сотрудниц пуританского поведения... Может, он считает, что под юбку к официанткам может лезть только он сам?

– Что ж, тогда завтра можешь приступить к работе... Месяц испытательный срок с половиной оклада. Если все будет путем, зачислим в штат... Вопросы есть?

– Нет.

– Тогда иди к старшей официантке, она скажет, что делать...

На этом разговор и закончился. Под юбку к ней Григорий Борисович не полез. Неужели он в самом деле не такой, каким кажется. Хотелось бы на это надеяться?

Старшая официантка озадачила Любу. За два дня она

должна была найти черную юбку, жилетку и белую блузку. Если все это уже есть – хорошо, если нет – отправляйся на рынок, покупай за свой счет.

Юбка у Любы нашлась. Блузка тоже. А жилетку сшила мамина сестра. В общем, из ситуации она выкрутилась и через два дня после разговора с хозяином кафе вышла в свою первую смену...

Работа ей не понравилась. Кафе достаточно известное, выбор блюд, как в ресторане, так что клиентов хватало. Казалось бы, все просто. Принимай заказы да по столам разноси. Но столов много, и клиенты корчат из себя миллионеров: то им не так, это не этак. Да и не только от претензий голова шла кругом. Сделает клиент заказ, а потом начинается – то одно подай, то другое. И все заказы надо в счет не забыть внести. Хоть на минуту выключишь мозги и вмиг запутаешься. А мозги то и дело норовили отключиться. Всему виной бешеный ритм работы и ураганная музыка. Ни в одном кафе города не было своего ансамбля, а здесь был. Музыканты неважные, солистка нещадно фальшивила, но факт оставался фактом: в кафе Григория Борисовича звучала живая музыка. И не важно, что этой музыкой можно рыбу глушить.

Но Люба старалась не обращать внимания на бешеные децибелы. Играют, пусть играют. Клиентов распугивают, и хорошо. Меньше народу – меньше заморочек... Крутилась она как белка в колесе. Вроде бы успевала. Но к концу смены едва держалась на ногах. В первый день, вернее, ночь даже

не помнила, как домой добралась... Зато хорошо запомнила, как закончилась первая трехдневка. Три дня отдыха казались Любе великим чудом...

Но, увы, эти три дня пролетели, как один миг. И снова Люба отправилась на работу. Холодный дождь или осенняя слякоть не действовали на нервы так, как мысль о каторге, которая ждала ее вечером.

Первая половина дня хлопот не принесла: клиентов почти не было. Массовый приток начинался обычно после семнадцати ноль-ноль. Но как это ни странно, даже в половине седьмого вечера зал заполнился не более, чем на четверть. Может, дождь тому виной. Может, просто день для Григория Борисовича неудачный... Даже музыканты явились не в полном составе. Не хватало солистки Яны. Люба думала, что она подойдет позже, но она вообще не появилась. Вместо нее к микрофону припал бородач Леша. Пел он так, что Люба не выдержала и, воспользовавшись паузой, выскочила в летнюю беседку на перекур. К ней тут же присоединились ее новые подружки Валька и Людка.

– Ужас какой-то! – поеживаясь от холода, сказала одна.

– Уши вянут, – добавила вторая.

– А Янка где? – спросила Люба.

– Да говорят, жениха себе при бабках нашла. А тот запретил ей петь... В общем, не будет Янки. Она хоть худо-бедно пела, а Леша нас в могилу всех загонит... Может, Борисыч одумается, и всех их поганой метлой...

Люба готова была согласиться. Но неожиданно для себя предложила другой вариант.

– А может, лучше нового солиста найти?

– Найди дуру за копейки работать! – хмыкнула Людка.

– Ну, копейки ни копейки, а уж лучше чем подай-принеси, – прожала плечами Люба. – Я бы попробовала...

– А сможешь? – с интересом посмотрела на нее Валька.

– Ну, я конечно, не Долина, но уж не хуже Янки...

– Так и я не хуже... В музыкалке когда-то училась. Может, мне попробовать?

– Э-эй! – Со стороны кухни донесся окрик старшей официантки Оксаны.

– Пошли работать, певицы, блин! – хихикнула Людка.

На этом разговор и закончился.

А следующий день принес Любе сюрприз. Музыканты появились в кафе раньше обычного. Развернули аппаратуру. И за микрофон встала Валька.

– Во дает! – осуждающе глянула на нее Людка. И перевела взгляд на Любу. – Ты предложила, а она воспользовалась... К Борисычу вчера ходила. А он разрешил. Теперь у нас новая солистка...

– А что, подходит? – не без ревности спросила Люба.

– Так сейчас услышим...

Фурора Валька не произвела. Может, и училась она когда-то в музыкальной школе, но фальшивила она так, что бородач Леша по сравнению с ней казался Шаляпиным. Неуди-

вительно, что вторую песню исполнить ей не позволили.

– А можно я попробую? – подняла руку Люба.

Ощущение такое, будто она спрыгнула с обрыва в холодную воду. Ощущение полета – гремучая смесь из восторга и жуткого страха...

– Ну попробуй, – с кислым видом пожал плечами Леша.

– Только я не умею... – сама от себя этого не ожидая, призналась Люба. Но тут же поправилась. – Вернее, умею, но только «Любу-Любоньку»...

– Ну давай, раз уж назвалась груздем...

Леша распорядился играть «Любоньку». Слаженность ансамбля оставляла желать лучшего. Синтезатор в лад, гитары не впопад, ударные вообще в лес по дрова... Люба даже не представляла, как будет петь. Но запела, ориентируясь на клавишные...

Под караоке петь было гораздо проще. Музыка там мягче и стройней, опять же подсказки на экране. Люба пела и все ждала, что Леша стукнет ее сейчас темечку своей гитарой. Но нет, не стукнул. И даже похвалил:

– А ведь хорошо... Бревно сырое, неотесанное, зато древесина хорошая...

– Спасибо за сравнение, – уныло посмотрела на него Люба.

– Да нет, я серьезно. Толк из тебя выйдет. Но надо поработать...

– Поработаете, – откуда-то со стороны донесся голос Гри-

гория Борисовича. – У нее целых три дня будет свободных. Вот тогда и работайте. А сейчас пусть делом занимается...

В этот вечер снова пел бородач Леша. А Люба, как угорелая, носилась между столиками, обслуживая клиентов.

А потом был еще целый рабочий день. Леша пел у микрофона, а Люба бегала с подносом. Но это последний день. Завтра у нее репетиция, пусть и в свободное от работы время. Леша со своими лабухами далеки от идеала, но у них есть, что почерпнуть. Если все будет хорошо, то Борисыч разрешит ей навсегда перейти в ансамбль... Вдохновленная такой перспективой, Люба летала, как на крыльях. Пока ей не подставили подножку... Часы показывали уже половину одиннадцатого вечера, когда в кафе появилась Леська. И не одна, а с кавалером. Полный лысоватый дядечка со смешными ушами годился ей в отцы, но это ее несколько не смущало.

Люба неосторожно подлетела к их столику. Увидела Леську и оторопела. Такое ощущение, будто крылья подрезали. И все же она не растерялась.

– Извините, я сейчас!

Сказала и упорхнула. Попросила Людку обслуживать их столик. И та взялась за дело.

Леська вела себя вполне прилично. И даже делала вид, что не обращает на Любу никакого внимания. Пила коньяк и о чем-то ворковала со своим старпер-френдом. Можно сказать, что выглядела она солидно. Прическа – полудлинное каре с прямым прибором, никакой дикой экспрессии, как в

школьные времена. Спокойный макияж, стильный джемпер нежно-персикового цвета с длинным воротом, поверх золотая цепочка с красивым кулоном. С виду и не скажешь, что злодейка...

Из кафе она ушла вместе со спутником в половине первого ночи, как раз перед самым закрытием. Провожая ее взглядом, Люба облегченно вздохнула.

Но, как оказалось, радовалась она рано. В половине второго она отправилась домой. Вместе с Людкой и Валькой. Шли, трепались о том о сем, потом разошлись. Дальше Люба шла одна.

Она испугалась, когда откуда-то из темноты появилась машина с выключенными фарами. Остановилась, преграждая ей путь. Иномарка, вроде бы «Мерседес»... Сейчас из машины выберутся жадные до баб отморозки...

Но из иномарки вышла Леська. В роскошном кожаном плаще, с изящной сумочкой на плече. Вся из себя. Чутьочку навеселе.

– Ну, привет, подруга!

– Где ты видишь подругу? – взъерошилась Люба.

– Не поняла, ты чего дымишься?

– Все ты понимаешь... Может, скажешь, сколько тебе

Игорь Алексеевич платил?

– Не платил он мне. Я же не работала. Должна была с тобой в Сен-Тропе, там бы заработала. Но не судьба...

– Ты идиоткой не прикидывайся. Как будто не знаешь, что

наше с тобой Сен-Тропе в районе Черкизовского рынка находится. Только туда я одна попала... Мне Рэм все рассказал...

– И что он тебе рассказал?

– Что ты сука последняя... Избавиться от меня хотела? Из-за Рэма мстишь?.. Уезжай, Леська. Не буди лиха. А то ведь я и убить могу...

– Что-то я не пойму тебя, девочка. В чем я перед тобой виновата? И при чем здесь Черкизовский рынок?

– А то ты не знаешь, что я этот рынок через притон обслуживала...

– Впервые слышу... Что там тебе Рэм наговорил?

– Брось душой прикидываться. Ты же не дура. Ты – сука!

– Ты бы язык попридержала... Да, кстати, а где Рэм твой?

– Рэм на месте. Вы с Игорей Алексеевичем меня в притон отправили, а Рэм меня оттуда вытянул...

– Да, был у меня с ним разговор. Я сказала, где тебя найти можно. А больше ничего не знаю... Так, значит, в бордель тебя отправили... И меня бы туда, да?.. Хорошо, что с Василием Павловичем вовремя познакомилась. А то и я попала бы... Да, кстати, я не познакомила тебя с моим френдом. Ничего, успеется. Он уже дома. Вот, машину мне свою дал, чтобы я к родителям своим съездила. У них я уже была, сейчас к нему возвращаюсь... Классный мужик, скажу тебе...

– Он тебе в отцы годится.

– Зато бабки есть. Дом свой, машина вот. И не женат...

Короче, я за ним, как за каменной стеной...

– Да вижу, что ты непробиваемая. Как будто не знаешь, что к чему... – Не знаю. Может, расскажешь?.. Хотя нет, ты лучше про Рэма расскажи... Слушай, а может, он тебя бросил, а?

– Не твое дело!

– Да вижу, что бросил. Стала бы ты в этом кафе горбатиться при его-то бабках... Ерунду какую-то про меня наплел... Честное слово, даже не знала, что с тобой там случилось... Да, он спрашивал меня, куда ты могла деться. Но на этом все...

– И менты тобой не интересовались?

– Чур тебя!.. А с чего это им интересоваться мной?

– Игоря Алексеевича посадили...

– Да что ты!.. Но я-то к нему никакого отношения не имею... Вот видишь, я же на свободе. Значит, ни в чем перед тобой не виновата!.. А Рэму своему плюнь в глаза за то, что на меня наговаривает... Ну да, он же тебя того... Что-то не пойму я тебя, Любка. Рэм тебя бросил, а ты ему веришь. А мне ты не веришь, а ведь я-то тебя не бросала. Как были подругами, так и остались...

– Это ты так думаешь...

Люба задумалась. А ведь действительно, Рэм ее бросил. Почти месяц о нем ни слуху ни духу. Разве ж можно ему после всего этого верить... Да, он не любил Леську, считал ее душой. Может, потому и оговорил. Возможно, он просто

хотел, чтобы Люба с ней не дружила. Оттого и наговорил на нее... А ведь ее должны были бы арестовать. Но ведь она же на свободе. Значит, не при делах она...

– А ты нет?.. Вижу, что нет. Даже обслуживать нас отказалась... Любка, что случилось? Почему нос от меня воротишь? – искренне сокрушалась Леська.

– Ты меня во Францию сблатовала!

– Ну и что? Я же не знала, что нас в притон могут отправить. Если бы не мой Василий Павлович, я бы точно вместе с тобой попала. Но меня пронесло. Потому что я вовремя в отказ пошла. В этом, что ли, моя вина?

Люба чувствовала, как уходит злость. Возможно, Леська и в самом деле ни в чем не виновата... Ну пригрозила, что не даст ей жизни, если она останется с Рэмом. Но ведь Люба не была с ним, когда Леська уговаривала ее ехать на Лазурный Берег. Помирились они к этому времени.

– Не знаю, в чем твоя вина, но я видеть тебя не хочу...

Это была уже не злость. Самое обыкновенное упрямство.

– Да, видно, хорошо тебе досталось... Как там в притоне, наверное, жуть, да?

– Вспоминать не хочу...

– И не надо... Слушай, а ты сейчас куда? Домой, да? Наверное, устала как собака? А завтра снова на работу?

– Нет, завтра выходной. Но все равно, дел много...

Но это уже приятные для души дела. Люба хотела петь. Нет, не сейчас, а вообще... Общение с Леськой не настрои-

вало на лирический лад. Но и отторжения уже не было. Хотя она и не на все сто процентов убедила ее в своей невинности.

– Дела у всех... И отдыхать все хотят, – задумчиво улыбнулась Леська. – Поехали со мной, посидим, о нашем, о женском поговорим, выпьем. Расскажешь мне, как там тебя тиранили. Душу облегчишь...

– И куда ехать?

– Ну к Василию Павловичу домой... Он сейчас уже, наверное, дрыхнет. Мешать нам не будет... Ну так что, поехали? Люба пожала плечами. Как это ни странно, она была близка к тому, чтобы согласиться.

– Поехали!

Леська взяла ее под руку, подвела к машине. Даже дверцу перед ней открыла. Люба пожала плечами и неуверенно забралась в салон.

Кресла кожаные. Но машине не новая, так что запах кожи почти не ощущался. К тому же его заглушал запах ароматизаторов. Каким-то тухлым ананасом пахло. У Рэма в машине было гораздо круче. Там запах приятный и атмосфера иная...

Леська вела машину не очень уверенно. Чувствовалось, что не хватает практики. Но вид у нее такой, будто она родилась за рулем роскошного «Роллс-ройса».

Наконец, приехали... Двухэтажный дом за высоким забором, мощный «кавказец» на цепи. И такая угнетающая тем-

нота во дворе, что даже фонарь с ней не справлялся. Как будто откуда-то сверху ее под давлением нагнетали... Люба невольно глянула на небо. Плотная, как гранит, непроглядная тьма. Ни луны, ни звезд. Такое ощущение, что сейчас с неба свалится на голову что-нибудь тяжелое... И какого черта она сюда приперлась?

Снаружи дома казался большим. Но внутри простора не было – узкие лабиринты коридоров, множество маленьких комнат за тяжелыми дубовыми дверьми. Чертовы катакомбы какие-то... Такое предчувствие, что и черти здесь где-то водятся...

Леська провела ее в небольшую комнатку, которую сама же с гордым видом назвала каминным залом. Камин здесь и в самом деле был, и даже огонь в нем трещал, но такое ощущение, что тепла он не давал.

– Ну и как тебе у нас? – с чувством превосходства спросила Леська.

– Мне нравится, – из приличия соврала Люба.

– Не хуже, чем у Рэма!

Леська еще выше нос задрала. Ну не дура ли!.. По сравнению с дачей Рэма этот дом выглядел бледно. Не сказать, что здесь была убогая обстановка. Как раз наоборот. Паркетные полы, роскошные шторы, богатая мебель. Но все какое-то безвкусное... Да и не в обстановке дело. У Рэма в доме был какой-то вселенский простор, окрыляющая атмосфера праздника. А здесь тоска...

Люба промолчала, но Леська поняла все без слов.

– Что, у Рэма лучше? – насупилась она.

– Везде хорошо, где нас нет, – дипломатично ответила

Люба.

– Точно! Рэм есть, а тебя с ним нет!.. – не без злорадства подхватила Леська. – Козел он потому что... Все мужики козлы... Давай, Любка, выпьем!

Она подошла к мебельной стенке с баром, достала оттуда бутылку коньяку, пару рюмок. Ни закуски, ничего. То ли она хозяйка такая, что дома у нее ничего нет съестного, то ли лень на кухню идти... Спасибо, что хоть коньяк по рюмкам сама разлила.

Люба не хотела пить. Но в этом доме ей было холодно, и она наделась согреться спиртным... И в самом деле, после первой рюмки она почувствовала, как по всему телу разливается приятное тепло. А после второй и душа стала оттаивать... Третья, четвертая... Хорошо пошло. И уходить уже никуда не хочется. Хмель приятно окутывает сознание. Душа на простор не рвется, но и в тоску-печаль погружаться не хочет...

– Ну и что там за жизнь у вас была в бордели? – спросила окосевшая Леська.

Будь она трезвой, Любу возмутил бы ее вопрос. Но что с пьяной-то девки взять?.. Да и сама Люба была под хмельком. И душа распахнулась...

– Что-что, ужас! Врагу не пожелаешь!

– А подруге?

– Это ты про себя?

– Ну да, про кого ж еще!.. Или я тебе не подруга?

– Подруга...

– Вот и чудненько!.. Надо за дружбу выпить!

Только Леська наполнила рюмки, как дверь открылась, и в комнату вошел ее приятель. От неожиданности Люба даже вздрогнула. А может, и от страха...

Он был в роскошном, шитом золотыми нитками халате в стиле а-ля барин. Леська говорила, что он спал. Но лицо у него совсем не мятое, как это бывает у только что проснувшегося человека. Глаза горят, щеки лоснятся. Он был явно чем-то возбужден.

– А-а, девчонки! Привет! – добродушно, но вместе с тем хищно улыбнулся он.

Неестественное какое-то сочетание – доброта и хищность. Может, и того и другого в нем понемногу, а может, что-то из этих качеств показное... Так или иначе, приятного впечатления на Любу Василий Павлович не произвел. И смотрел он на нее, как кот на сметану. И судя по всему, Леську это совершенно не смущало...

– За что пьем? – спросил он.

– За дружбу!

– А мне с вами дружить можно?

– Можно! – и за себя и за Любу ответила Леська.

– Тогда наливай!

Жестом она показал, чтобы Леська подвинулась. Та выполнила его требование, и Василий Павлович бухнулся на диван в освободившееся пространство между ней и Любой. И с самым непринужденным видом обнял их обеих за плечи.

Любе это не понравилось. Она отодвинулась. Его рука скользнула по ее предплечью и опустилась на диван, чуть касаясь ее бедра. Не самое приятное ощущение. Но очередная рюмка должна была избавить ее от дискомфорта...

– Люб, ты так и не рассказала, что за жизнь там... ну, где ты была... – снова полезла в душу Леська.

– Говорю же, тебе бы не пожелала... – поморщилась Люба.

Разумеется, ей не мог нравиться этот разговор. Но и затыкать рот Леське она не стала. Настроение не то. Так приятно было расслабиться. Так не хотелось поднимать ураган...

– Ну, в жизни все нужно попробовать. Да, Василек?

– Угу! – не моргнув глазом, подтвердил хозяин дома.

Как будто ему все равно, что Леська будет кувыркаться с чужими мужиками... Уж не извращенец ли он?

– Ты вот уже попробовала...

Люба с удивлением посмотрела на подругу. Не понятно, то ли придуряется она, то ли в самом деле завидует...

– Как будто я этого хотела...

– Ну, хотела не хотела... Я тут читала недавно. Психологами доказано, что если женщину долго насиловать, то рано или поздно ей понравится... Тебе когда понравилось, рано или поздно? – нагло спросила Леська.

– Что-то не туда тебя понесло! – предостерегла ее Люба.

– Значит, рано...

– Дура ты!

– Нет, просто интересно... Слушай, а давай вы меня с Василием Павловичем изнасилуете, а?

– Чего? – еще больше возмутилась Люба.

– Ну должна же я в твоей шкуре побывать... Может, и мне понравится!

– А кто тебе сказал, что мне понравилось!

– Да по глазам твоим видно... Думаешь, я не вижу, как ты моего Василька хочешь!..

– Ну ты точно чокнутая!

– А такая же, как и ты... А хочешь, мы тебя с Васильком изнасилуем, а?.. Хочешь ведь, а?

– Хочет, хочет, – мерзко ослабилась старый извращенец.

Теперь Люба точно знала, зачем Леська пригласила ее к себе. Сама такая же извращенка...

– Не хочу!

Люба вскочила с дивана и быстрым шагом направилась к выходу. Извращенец тут же устремился за ней.

– Куда же ты?

Он был явно удивлен. Похоже, он был уверен в том, что Люба не откажет... А ведь он знал, чем занималась Люба в недавнем прошлом. И не сейчас об этом узнал. Леська рассказала. Возможно, сама же и вызвалась заманить Любу в ловушку, чтобы в очередной раз нагадить ей... Знала она,

кто такой Игорь Алексеевич. Знала, в какую яму на пару с ним столкнула Любу...

Василий Палович попытался ухватить ее за руку, но Люба увернулась и благополучно выскочила за дверь. Ей было страшно, но это не помешало ей найти выход. Однако дверь была закрыта на ключ.

Ключ торчал в замочной скважине. Но старый извращенец дышал в спину. Этот мерзкий мужик наверняка был силен. И если схватит ее, то не отпустит, пока не добьется своего... Люба вовремя поняла, что ей не хватит времени, чтобы справиться с замком. Зато есть возможность дать отпор подлецу. Для этого как нельзя лучше подходила подставка для цветов. Длинные железные ножки, тяжелая металлическая опора...

Цветочный горшок полетел в одну сторону, подставка – в другую. Люба чувствовала в себе столько злости, как будто за ней сейчас гнались все те мерзкие мужики, которые были с ней в притоне. Со всей злости она ударила извращенца подставкой по лицу. Тот не ожидал отпора, поэтому и пропустил удар... Пока он катался по полу, воя от боли и унижения, Люба сумела справиться с дверью и как была босиком выскочила во двор.

– Шлюха! Тварь! – заорала ей вслед Леська. – Ты еще...

Угрозы утонули в злобном лае, который обрушил на Любу «кавказец». К счастью, цепь была коротка. Пес не сумел дотянуться до беглянки.

Люба развила невиданную для себя прыть. И с потрясающей легкостью перемахнула через высокий забор...

Теперь она точно знала, что представляет собой Леська. Теперь она точно не позволит ей приблизиться к себе на пушечный выстрел...

Глава 6

1

*Городские цветы, городские цветы,
Вот опять я кричу вам сквозь грохот и дым.*

Люба почти что кричала. Сквозь грохот неукротимых ба-сов и в дыму сигарет.

Клиенты едят, пьют, разговаривают между собой. И нико-му нет дела до какой-то певички. А если и посматривают на нее мужики, то лишь для того, чтобы оценить ее ножки... Но Люба все равно поет. И на душе восторг и эйфория. Ведь это ее первое выступление на сцене. Пусть это всего лишь жал-кое кафе, но все равно хочется петь от счастья. И она поет. Может, и не очень хорошо. Но все же лучше, чем пела Яна. Даже бородач Леша это признал. Хотя он же сказал, что Лю-бе до совершенства еще ох как далеко... Ну да ладно, лиха беда начало.

Люба пела, а народ пил. Каждый занят своим делом... Но вот наступил момент, когда людям захотелось плясать и ве-селиться. Сначала какая-то толстуха выскочила на крохот-ный пятачок перед сценой, за ней потянулись ее подружки.

За ними пошли в пляс и мужики... «Пой, Любонька, наяри-вай!» А она и рада стараться. Наконец-то ее песни востребованы... Но уже нет сил, во рту пересохло, голос хрипит, срывается. К счастью, есть магнитофон. Леша включает его, и музыканты идут отдыхать. Соку бы выпить или минералки.

– Э-эй! Иды сюда!

Кто-то с силой ухватил ее за руку. Люба остановилась, обернулась. Хач ее держит. Глаза наглые, на губах ухмылка. Он стоял возле столика, за которым сидели его друзья. Вот такие уроды и унижали ее там в борделе.

– Со мной будэшь. Плов кушать будэм, шашылык...

Совсем оборзели. Эти уроды всерьез считают, что любую русскую бабу запросто можно купить за горстку жареного мяса. – А потом? – резко спросила Люба.

– Ну патом кататся паэдем... Ты нам спаешь!

Как на грех, Леша со своими ребятами ушли вперед. Некому было урезонить зарвавшихся кавказцев. Мужики за соседними столами не в счет. Они делают вид, что ничего не происходит... Так ведь и в самом деле ничего не происходит. Хач даже за руку Любу больше не держит. Думает, она и без того слюнками на его вонючий шашлык истекает.

Но что-то должно было произойти. Люба чувствовала, как от злости с нее срывает крышу. Как ненавидела она этих похотливых скотов!..

– Я тебе счас и спою, и станцюю!.. Сука!! Мразь!!!

Вне себя от бешенства она полоснула хача растопыренны-

ми пальцами по морде. Ногти у нее небольшие, но крепкие и острые...

– Ты чо делаэш! – отскакивая назад, взвыл кавказец.

На обеих щеках остались кровавые полосы. Но Любе этого было мало. Она снова растопырила пальцы и двинулась на врага. Ей было все равно, что с ней будет... Но кавказец уже оправился от неожиданности. А ему ничего не стоит ударить женщину. Со слабыми они герои... И он ударил. Кулаком в лицо.

Но тут же сам получил. Нет, не от Любы. Сама она ударить не могла, потому как сидела на грязном полу, закрывая рукой набухающий под глазом синяк... На хачика набросился какой-то парень. С ним еще кто-то... И Леша уже бежит, злой как черт. И остальные ребята уже готовы порвать зарвавшегося ублюдка...

На помощь хачику бросились его дружки. Но лучше бы они этого не делали. Народ в миг озверел. Незнакомые парни дрались жестко. Да и Леша с ребятами разозлились не на шутку...

Драка закончилась так же быстро, как и началась. Избитые неруси похватали свои вещи и, не расплатившись за свой плов и шашлык, ретировались. Поле сражения осталось за победителями. За музыкантами и незнакомыми...

Да нет, парни оказались знакомыми. В одном Люба узнала Рэма, в другом – Валеру...

Рэм подошел к ней, широко улыбнулся. Он смотрел на ее

синяк.

– Хороший будет фонарь. Ночное освещение...

– Нашел чему радоваться! – совсем не дружелюбно взглянула на него Люба.

– Да нет, я радуюсь тому, что тебя нашел...

– Долго же ты меня искал, – усмехнулась она.

– Долго-недолго, а нашел...

Люба уже созрела для того, чтобы задать ему парочку язвительных вопросов. Но в это время появился хозяин кафе. Злой, красный, как рак. Понять его можно. Два стола опрокинуты, посуда побита, посетители в смятении.

– Ну и что здесь было? – свирепо спросил он.

– Любу били... – начал было Леша.

– Ты уволен! – рявкнул на него Григорий Борисович.

– За что?

– Все уволены!.. Все равно толку от вас нет! Один бардак!

– Как это нет толку? – возмутился Рэм. – Лично мне понравилось!

– Морды бить понравилось?

– Нет, как играют. А поют еще лучше... Люба, ты здорово поешь!.. А ведь я знал, что у тебя получится...

– Может, ты знаешь, кто мне за все это заплатит? – Григорий Борисович совершенно не разделял его восторг.

– А сколько нужно, командир? – спокойно спросил Рэм. – Двести баксов хватит?

– Триста!

– Хорошо.

Рэм уже достал три сотенные купюры зеленого цвета и су-нул их в руку Григория Борисовича.

– А мужиков увольнять не надо, – кивнул он на Лешу. – Не за что... Они же с понятиями, поэтому и за девчонку за-ступились. Ты же тоже с понятиями, да?

– Так само собой... – купился хозяин кафе. – Ладно, пусть дальше играют. И Люба пусть поет...

– Как она с таким фонарем петь будет? – покачал головой Рэм. – Ей пауза нужна...

По известным причинам Люба держала на него обиду, но вырваться не стала, когда он мягко взял ее под локоток.

Рэм подвел ее к столику, который находился в дальнем от сцены и плохо освещенном конце зала. Валера пришел сюда вместе с ними. Но только затем, чтобы снять куртку со спинки стула. Оделся и вышел на улицу, чтобы не смущать их своим присутствием.

– Мы за тобой целый час наблюдали, – сказал он.

– А я вас и не видела, – призналась она.

– Зато мы видели, как ты кавказца умыла. Мало ему...

– Не знала я, что ты так драться умеешь...

– Ну, занимался когда-то... Да и не в том дело. Я ж за тебя любому глотку порву!

– Да знаю, – невесело усмехнулась Люба. – Скоро уже ме-сяц, как ты глотку кому-то рвешь. Без меня...

– Ну, проблемы были, – помрачнел Рэм. И виновато ответ

в сторону взгляд.

– Я даже знаю, какие. Я же тебе не пара.

– Кто тебе такое сказал?

– Мать твоя сказала. И ты... Своим поведением сказал...

Да ты не бери в голову, нормально все. Я в общем-то и не страдала. И уж тем более в петлю не лезла. Ушел, так ушел... Я же тебя понимаю. И хочется, и колется, и мама не велит. Ты же знаешь, какая толпа мужиков через меня прошла. И мама твоя знает. Да я и сама понимаю, что никому такая не нужна...

– Нужна!.. А на счет мужиков... Ведь в первый раз-то у тебя со мной было! – в смятении посмотрел на нее Рэм.

– Как было? Что ты там в коньяк намешал?.. Да это и неважно. Может, это и хорошо, что ты у меня первым был... А потом табуны пошли...

– Но ты же не шлюха!.. Я же понял, что тебе кавказец предлагал. Ты же не повелась!

– А если бы повелась?

– Тогда бы ты меня больше не увидела.

– А зачем мне тебя видеть?.. Поверь, мне и без тебя хорошо.

– Не верю... Я же знаю, что тебе без меня плохо.

– Большое же у тебя самомнение.

– Ладно, пусть тебе без меня хорошо. Но мне-то без тебя плохо... Честно тебе признаюсь, хотел тебя забыть. А не получилось. Вот, не выдержал, опять к тебе приехал. А тебя

снова дома нет. Думал, что-то случилось, а нет, ты, оказываешься, здесь поешь...

– А разве ничего не случилось? Вот, фонарь под глазом... Заметь, как только ты начинаешь меня искать, так обязательно что-то случается...

– Так это же знак свыше! Надо, чтобы я тебя никогда больше не искал. Вместе нам жить надо, тогда с тобой ничего не случится...

– Как у тебя все просто, – с укоризной во взгляде усмехнулась Люба.

Если Рэм думает, что она сейчас разгонится и бросится ему на шею, то он сильно ошибается... А может, и не сильно.

– Кто говорит, что просто? Как раз-то и не просто все... Так сложно, что я сам запутался. Но ведь выпутался же. И теперь точно не запутаюсь... Нужна ты мне. Понимаешь, очень нужна!

– Это ты сейчас так думаешь. А потом тебя снова перемкнет. Извини, Люба, но помидоры снова завяли... Да у тебя и сейчас в голове заноза сидит. Ты же знаешь, что со мной было...

– Ну, что было, то быльем поросло... Думаешь, я святой? Знаешь, сколько у меня девчонок было? И проституток, и нормальных девчонок, ну, в смысле, не с панели... Даже больше скажу, на днях от одной сбежал. Красавица, фото-модель, супер-пупер, все дела. Мягкая, покладистая, без выпендросов. А не могу с ней – мотнул головой Рэм. – Только о

тебе и думаю... Нет, не то говорю. Хочу сказать, что грехов на мне, как той грязи...

– И зачем ты мне это сказал? – нехорошо посмотрела на него Люба.

– А затем, чтобы ты голову себе той же грязью не забивала. От нее отмыться можно...

– Может, тебе помочь отмыться?

Люба пристально посмотрела на Рэма, медленно взяла со стола стакан с соком и резким движением выплеснула его ему в лицо.

– Теперь отмылся!

Она быстро поднялась из-за стола и выскочила на улицу под навес летней площадки. Достала сигарету, нервно закурила. Совсем убежать от Рэма она не хотела. Да и куртку оставила в подсобке.

И Рэм не хотел, чтобы она от него убежала. Вышел вслед за ней под навес. Набросил ей на плечи свою куртку, обнял сзади.

– Все грехи с меня смыла, – шутливо сказал она.

– Мало тебе! – совсем не зло бросила она в ответ.

– Поехали ко мне. Соку по пути купим, литров сто. В ванную его выльем. И ты в этой ванной меня утопишь. Ну, если захочешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.